ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

Год издания 32-й
№ 69 (4194)

Суббота, 11 июня 1960 г.

ЦЕНА 40 КОП.

ЗАВТРА НАШИХ ГОРОДОВ

КАКИМ должен быть город будущего? Как те высокие требования к городу, которые предъявит гражданин теперь уже коммунистического недалеко, совместить с теми насущными нуждами, какие выдвигает жизнь сегодня?

Вот два главных вопроса градостроительства в нашей стране, из них вытекает и множество других.

Об этом говорили на закончившемся вчера в Кремле Всесоюзном совещании по градостроительству, об этом коллективно думали две с половиной тысячи представителей многомиллионной армии тружеников, благоустраивающих наши города, созидающих жилища.

Такое совещание состоялось у нас впервые. Как сказал в своем докладе председатель Госстроя СССР В. А. Кучеренко: «Оно созвано потому, что наша партия и правительство хотят, чтобы возводимые нами города и поселки были достойными советского человека — строителя коммунизма, чтобы они были самыми удобными, благоустроенными и красивыми».

Самыми удобными... Благоустроенными... Красивыми... При всем том еще и экономичными. Ведь только один процент экономии стоимости домов дает дополнительно за семилетку полтораста тысяч квартир! Было над чем подумать градостроителям, я в

первую очередь архитекторам.

Все единодушно пришли к решению, что, продолжая и дальше наращивать темпы выполнения грандиозной программы жилищного строительства, градостроители обязаны одновременно развивать и все остальное сложное коммунальное хозяйство городов. Необходимо расширять и совершенствовать сети водопровода, газопроводов и канализации, транспорт и связь, строить больше школ, лечебных и детских учреждений, театров, кино и клубов, магазинов и предприятий общественного питания.

Перспективный градостроительный план, разрабатываемый архитекторами, должен быть тесно увязан с народнохозяйственным планом. В этом залог будущих успехов градостроителей.

На снимке: Герой Социалистического Труда бригадир бригады коммунистического труда треста «Крещатикстрой» П. Степанчук (справа) и секретарь Киевского городского комитета КП Украины Н. Шавловский в зале заседаний Большого Кремлевского дворца.

Фото В. Соболева и А. Стужина

ЖЕНЕВА, КОМИТЕТ ДЕСЯТИ

ЗА РУБЕЖОМ: СОБЫТИЯ И КОММЕНТАРИИ

7 ИЮНЯ в Женеве возобновил работу Комитет десяти государств по разоружению. И в тот же самый день за океаном, на американской военной базе Макгир, в 75 милях от Нью-Йорка, возникла паника из-за загоревшейся ракеты с ядерной боеголовкой. Только случай, тревога, поднятая сержантом, предотвратила страшную катастрофу, которая могла создать угрозу жителям огромного восьмимиллионного города. Нужно ли более наглядное, более убедительное свидетельство того, сколь жизненно необходимо разрешить, наконец, проблему разоружения, положить конец опасной игре со смертью?

Новые предложения Советского правительства, представленные на рассмотрение Комитета десяти, отвечают интересам всех народов. Они призваны предотвратить всякую возможность — вольную и невольную — возникновения опаснейшего ядерного конфликта. Если они будут приняты, то уже на первом этапе полного и всеобщего разоружения будут уничтожены все средства доставки ядерного оружия к цели, ликвидированы военные базы на чужих территориях и выведены с них иностранные войска. Ряд других важнейших мер приведет в конечном счете к прекращению производства ядерного и других видов оружия массового уничтожения, к ядерному разоружению. И уже сейчас люди во всем мире смогут вздохнуть спокойно, избавятся от постоянного страха и напряжения.

Советские предложения — всеобъемлющая, глубоко реалистическая и гуманная программа создания мира без оружия и войн — привлекли внимание широчайших кругов общественности. Характерно, что даже государственный департамент США не решился отмахнуться от них и обещал «самым тщательным и внимательным образом» изучить новые советские предложения. Хотелось бы верить, что это не окажется одними лишь словами и разум восторжествует, возьмет верх над попытками вернуть мрачные времена «холодной войны», создать обстановку военной истерии и помешать разрядке международной напряженности.

Новый важный шаг Советского правительства по заслугам оценен всеми миролюбивыми силами. Страны социализма заявили о полной поддержке советских предложений. О них положительно отозвались многие видные буржуазные политические деятели и органы печати. Комментируя начало работы Комитета десяти, японская газета «Хоккайдо симбун» пишет: «Мы должны приветствовать активные усилия Советского Союза в направлении разоружения, предпринимаемые в момент, когда в результате срыва совещания в верхах международная обстановка ухудшилась». Газета подчеркивает, что СССР обладает признанным превосходством в области ракетостроения, и поэтому следует особенно серьезно отнестись к его предложениям, которые равносильны добровольному отказу от своего превосходства. Даже западногерманская «Франкфуртер рундшау» вынуждена признать, что в Женеве создалась деловая атмосфера и новые советские предложения «идут навстречу западным предложениям в большей мере, чем все выдвигавшиеся ранее планы Востока». О готовности Советского правительства найти путь к сближению точек зрения Востока и Запада, о доброй воле и искренности нашей страны пишут многие из тех, кто до последнего времени скептически относился к возможности достигнуть согласованных решений.

Но, как обычно, нет недостатка в недоброжелательных, нарочито бесчестных высказываниях. Они принадлежат тем, кто связан с кликой «У-2», с крупными монополиями, заинтересованными в гонке вооружений. И, конечно же, среди них старые знакомые — Джозеф Олсоп, Маргарет Хиггинс. В газете «Нью-Йорк геральд трибюн» Джозеф Олсоп утверждает, что нет никаких действенных средств для контроля над разоружением, что Советский Союз будет нарушать все условия. «Нью-Йорк таймс» договаривается до того, что видит в советском плане разоружения «угрозу безопасности Запада», хотя точнее было бы назвать это угрозой планам подготовки войны и гонки вооружений. Такая угроза действительно существует, и потому так истошно вопят сейчас реакционные журналисты, находящиеся в услужении у Пентагона.

Такого рода позиция реакционных кругов США не нова. Странно, однако, другое. Влиятельная английская газета «Скотсмен» сетует на то, что предложение о ликвидации всех средств доставки ядерных боеголовок к цели в советских предложениях связано с одновременным уничтожением военных баз на чужих территориях. По мнению газеты, западные державы «не могут принять такое предложение».

Неужто национальные интересы Англии совершенно безразличны газете «Скотсмен»? И может ли быть, что она не понимает, какую смертельную угрозу для Англии представляют американские военные базы на Британских островах? Миллионы англичан думают по-иному: они требуют устранения страшной опасности ядерного разрушения, которую создают преступные планы Пентагона.

Весь мир с пристальным вниманием следит за ходом работы Комитета десяти. Огромная ответственность возложена на тех, кто собрался вновь во Дворце наций. Не может, не должно быть оттяжек, проволочек. Народы ждут, народы требуют скорейшего решения важнейшей проблемы современности — полного и всеобщего разоружения.

А. БЕЛЬСКАЯ

Быть ли Гукову провинцией?

О ПИЩЕ ДУХОВНОЙ, КАК ХЛЕБЕ НАСУЩНОМ...

Е. ЛОПАТИНА,
специальный корреспондент «Литературной газеты»

ЭТО ГОРОД!

Выхожу из автобуса и глазам своим не верю: типичный поселок. Десятка два-три современных двухэтажных домов, столько же коттеджей с мезонинами, новая средняя школа, клуб с колоннадой, а за ними — домики в садочках, а дальше — терриконники, а вокруг — холмы, холмы и где-то в отдалении другие такие же поселки, и терриконники, и голубые дымки.

— А где же сам город?

— Так это же он и есть!

Странный, непривычный взгляду город, состоящий не то из одиннадцати, не то из пятнадцати отдельных поселков, растянувшийся на расстоянии не то 20, не то 45 километров, насчитывающий население не то под шестьдесят, не то за восемьдесят тысяч человек...

— Почему же такой разнобой?

— Очень просто. Местная советская власть — горисполком — считает лишь то, что находится непосредственно в черте города. Партийные и профсоюзные органы берут на учет все шахты и стройучастки, входящие в трест «Гуковуголь», и все их население, тяготеющее к городу Гуково по производственной, партийно-пропагандистской, культурной и воспитательной линии, пусть даже это население формально находится в соседнем районе.

Как бы то ни было, Гуково — довольно большой, а главное, перспективный город. Он — весь в росте. Строятся новые шахты, в том числе Первая гуковская, которая будет давать угля столько же, сколько давал весь трест в 1950 году.

Вокруг будущих шахт создаются новые благоустроенные поселки, расширяются и прихорашиваются старые. Расстояние между ними становится все меньше, и где-то... ну, не будем уточнять дату, — где-то в не очень далеком завтра «в городской черте», так ревниво оберегаемой местной властью, возникнет единое поселение — социалистическое Гуково.

К этому мы идем. Это обязательно будет. А пока... Пока, словно у подростка, вымахавшего из своего костюма, у города тут что-то коротко или узко, там тянет и давит, а там трещит по швам.

Мы беседуем с одним из секретарей горкома партии. Речь идет о большом и радостном, хотя и не лишенном трудностей, росте нового города, о возросшей культуре строительства, о высокой культуре труда. Секретарь горкома интересно говорит о будущем города.

НУ, А ОБЩАЯ КУЛЬТУРА, С НЕЮ КАК?

И тут словно подменили человека. Разговор вдруг утратил прежнюю конкретность и живость.

Позже при встречах с другими городскими, трестовскими и шахтными работниками происходила такая же примерно картина.

Некоторым даже сама постановка вопроса о духовной культуре, об эстетическом воспитании шахтеров и шахтостроителей казалась неуместной.

— А что такое еще? Радио слушают, газеты читают, лекции мы для них устраиваем, концерты тоже бывают...

Другие — сознательно или невольно — подменяли понятие:

— Занимаемся, занимаемся этим делом, как же! Вот ночные профилактории на шахтах пооткрывали...

Третьи, прикрываясь цифрами, как боевым щитом, хвастливо перечисляли:

— У нас, знаете, какие показатели? Подписка на газеты и журналы за пять лет увеличилась в четыре раза. Художественной литературы мы в 1956 году продали на 340 тысяч, а нынче за четыре месяца — почти на миллион рублей. За один год тысячу телевизоров населению реализовали. Четыре новые библиотеки открыли. Пять вечерних школ у нас, вечерний горностроительный техникум... Так что по сравнению с другими городами ничего себе, прилично выглядываем.

Но большинство собеседников честно признавало:

— То, что мы делаем, могло считаться удовлетворительным пять-шесть лет назад. А теперь — нет.

Секретарь горкома Леонид Васильевич Яковлев тоже сказал:

— Какая уж тут культура с большой буквы! У нас на весь город два типовых клуба да один Дворец культуры. Есть шахты, где под клубики приспособили случайные помещения.

Да, очагов культуры мало, крайне мало. Попасть хотя бы в кино — проблема. Клубы и Дворец культуры... Что ж, они пытаются что-то делать в меру своих сил. Посмотришь планы работы — тут и университет культуры, и университет для родителей, и вечера вопросов и ответов, и вечера «Хочу все знать», и вечера для девушек, и вечера для молодежи. Но поговоришь с людьми о содержании этих вечеров и услышишь:

— Интересные, запоминающиеся редко бывают.

И еще говорят про эти вечера:

— Не для всех они, для «избранных»...

И действительно, кто-то из гуковских культработников придумал, а кто-то из руководителей благословил эту «инициативу», и теперь клубные вечера — не просто вечера, а «мероприятия», и проводятся они по пригласительным билетам, а билеты рассылаются по организациям и там раздаются чуть ли не в порядке поощрения за хорошую работу...

Как всякие другие, гуковские клубы и Дворец культуры имеют свою самодеятельность. Но, как и во многих других дворцах и клубах, самодеятельностью тут ведают люди, окончившие семь-восемь, в лучшем случае десять классов и какие-нибудь краткосрочные курсишки.

И тут следует сказать еще об одной категории «культработников».

Мы сидели в клубе шахты 19/20 и разговаривали с руководителем танцевального кружка Володей Макарьяном.

— Трудно нам, — говорил Володя. — Все время требуется что-то новое. Мы ведь обслуживаем один и тот же круг зрителей. Значит, нужно два-три раза в месяц менять программу, иначе нас смотреть не станут.

— Да, зритель теперь балованный пошел, — раздался вдруг надтреснутый голос с дивана, где, заложив ногу на ногу, развалился потрепанный мужчина в мятой зеленой шляпе, надвинутой на глаза. Заметив, что привлек наше внимание, он с апломбом продолжал:

— Дошлый пошел теперь зритель. Ему какую попало хохму не подашь. Теперь, чтобы убить зрителя, надо хохму во какую!

Как выяснилось, это — «старейший деятель культурного фронта», обошедший чуть ли не все клубы и дворцы культуры Донбасса. В одних местах он задерживался на несколько месяцев, в других успевал состряпать только одну программу, в третьих, будучи сразу «раскушен» руководителями, все же умудрялся всучить (разумеется, за солидную мзду) свой «товар» — замусоленный блокнот с конферансом, который «бьет наповал».

На шахту 19/20 его, кажется, не взяли и от «товара» его тоже отказались. Но он пойдет дальше по другим городам и весям и, вероятно, где-то найдет себе пристанище, потому что, как говорят в народе, свято место пусто не бывает.

А вот на это святое и благородное место наши органы культуры не позаботились приготовить подлинно культурные кадры.

А К ЧЕМУ ВСЕ ЭТО ПРИВОДИТ!

Я приехала в Гуково в выходной день.

По улице, обсаженной молодыми тополями и акациями, шли разодетые по-праздничному люди все в одном направлении.

— Народное гулянье, что ли? — спросила я у молодой четы.

— Да, это наше гуковское гулянье, — с горечью ответил муж. А жена пояснила:

— На базар идем. Больше-то некуда. А одеться все равно хочется...

На базаре гуковчане не столько делали покупки, сколько разглядывали наряды друг друга, обменивались новостями, шутили, договаривались о встречах вечером. О встречах где? В клубе, в парке, в концерте, на выставке? Нет, дома. С выпивкой, небось?

— Смешной вопрос, какие же гости бывают без выпивки!

Вечером я пошла в клуб. Маленький зал был освобожден от стульев. Под звуки духового оркестра молодежь танцевала. Многие юноши вальсировали в шляпах и кепках. Девушки держали в руках бумажные цветы и куски крашеного ковыля — это здесь считается высшим шиком.

Назавтра я ходила по рабочим общежитиям.

Некоторые общежития поразили меня: трудно было поверить, что там живут не студенты, не аспиранты, не люди умственного труда, — так много в них было учебной, научно-технической и художественной литературы. Были общежития, в которых три четверти проживающих где-нибудь учатся: в вечерней школе или техникуме, в заочных высших или средних учебных заведениях, на курсах повышения квалификации и курсах подготовки в институт.

Были, правда, и другие общежития, где из-под неприбранных кроватей выглядывали водочные и пивные бутылки.

Но и в других, благополучных, молодежь говорила одно и то же:

— В шахте долбишь уголь, здесь долбишь учебники, а выберется свободный часок — и не знаешь, куда себя деть. В других городах молодежь живет полной жизнью, а мы здесь будто у бога теленка съели...

«В других городах!» За первый квартал этого года по тресту «Гуковуголь» принято 969 человек, уволено 1640. На некоторых шахтах состав работающих за год меняется полностью. Среди множества причин этой текучести стремление к «полной жизни» занимает далеко не последнее место. «Старожилы не срываются, коренной шахтер держится за работу», — уверяли меня. Возможно, уходит «только» завербованная молодежь. «Только» молодежь, приехавшая по комсомольским путевкам. «Только» молодежь, пришедшая из армии. Но разве это утешение?!

ГДЕ ВЫХОД!

В кабинет Леонида Васильевича Яковлева постепенно подошли работники отдела пропаганды и агитации, городского отдела культуры, руководители профсоюза угольщиков и профсоюза строителей. Думали сообща, советовались, как двинуть вперед культуру города.

— Будем добиваться строительства широкоэкранного кинотеатра... Будем строить телевизионную станцию... Будем ставить вопрос о Дворце пионеров... Начали строить большой стадион... Ускорим строительство Дома инженера и техника... Со временем будем думать о своем театре...

Все это хорошо, все это правильно. И надо думать, прославленные коллективы не объедут Гуково стороной. И надо ожидать, что будут у нас, наконец, разработаны единые программы по эстетическому воспитанию рабочих и колхозников и будут к ним приложены любовно, красочно, массовым тиражом изданные наглядные пособия...

Ну а сегодня, сейчас?

Видимо, и самим «отцам города» следует больше радеть о культуре, заниматься ею повседневно и по существу, думать не только о цифрах «общего охвата», но и о том, чтобы дойти до каждого человека.

— А силы где? В клубах-то, знаете, сколько штатных единиц? — спрашивали меня.

Правильно, штатных единиц мало, и они не всегда полноценны. Но ведь на «единицах», будь они хоть семи пядей во лбу, далеко не уедешь! А актив? А интеллигенция? В Гукове 1 600 инженеров и техников, свыше 400 преподавателей и врачей. Разве мало среди них людей талантливых, способных поднять уровень художественной самодеятельности?

Кому, как не местным партийным, комсомольским и профсоюзным организациям, расшевелить их, увлечь, заронить в них искру соревнования с другими городами — кто больше прославится своей культурой? Кому, как не им, объявить поход против самого понятия «культурная провинция», «заходустье»?

РОСТОВ-НА-ДОНУ, Гуково.

НАГРАДЫ МОЛДАВСКИМ ЛИТЕРАТОРАМ

Президиум Верховного Совета СССР наградил на днях большую группу деятелей культуры Молдавии за выдающиеся заслуги в развитии молдавского искусства и литературы и в связи с Декадой молдавского искусства и литературы в Москве.

Среди награжденных орденом Ленина — поэт, председатель правления Союза писателей Молдавии Андрей Лупан.

Орденом Трудового Красного Знамени награждены поэты Петря Дариенко, Богдан Истру, Петря Крученюк, прозаики Ион Друцэ и Ион Чобану.

Орденом «Знак Почета» — поэты Аурелиу Бусуйок, Анатолий Гужель и Георге Менюк, Федор Пономарь, прозаики Лев Барский, Феодосий Видрашну, Александр Козмеску, Александр Липкан, Николай Муратов, Семен Пасько, Ариадна Шалярь, Самсон Шляху.

Медалью «За трудовую доблесть» — поэты Юрий Баржанский, Ливиу Деляну, Кирилл Ковальджи, Виктор Кочетков, Николай Костенко, Валентин Рошка, прозаики Владимир Галиц, Ион Канна, Игорь Кроцу, Вера Малева, литературные критики Харлампий Корбу, Рахмиль Портной, Зуия Сэпунару, Симион Чиботару, искусствовед Кир Роднин.

ПИСАТЕЛИ ВОЕННОЙ ТЕМЫ

Три дня (с 7 по 9 июня) в Центральном Доме литераторов проходил первый пленум комиссии по военно-художественной литературе Союза писателей СССР. В работе пленума приняли участие прозаики, поэты, драматурги, сотрудники военных журналов, газет, издательства, представители Главного политического управления Советской Армии и Военно-Морского Флота.

Пленум обсудил важнейшие проблемы развития военно-художественной литературы, наметил ее ближайшие задачи в деле политического воспитания воинов Советской Армии. Во вступительном слове В. Кожевникова, в докладе М. Крючкина, в выступлениях участников пленума много говорилось о необходимости повышать качество военно-художественной литературы, углублять ее реализм, ее историко-политическую зрелость, говорилось о малочисленности произведений, посвященных сегодняшним мирным будням Советской Армии, отмечались достижения и недостатки военно-мемуарной литературы, завоевавшей в последнее время широкую популярность. Большое место занял разговор о военно-шефской работе писателей. Был обсужден также ряд организационных вопросов.

В прениях выступили: Л. Ошанин, Ю. Анненков, К. Токарев, Ю. Яковлев, С. Глуховский, А. Исбах, А. Воинов, Евг. Воробьев, Е. Юнга, генерал-майор А. Щербаков, Г. Стрехнин, Р. Азарх, А. Крон, А. Розен, Е. Долматовский, И. Стаднюк, П. Вершигора, В. Сытин, Г. Гайдовский, подполковник С. Баренц, генерал-майор П. Мусьяков, Н. Букин, Дм. Ковалев, Н. Панов.

О работе писателей национальных республик над военной темой рассказали: Д. Копица (Украина), Б. Момыш-Улы (Казахстан), Н. Алексеев (Белоруссия), Ф. Ниязи (Таджикистан), Э. Алибейли (Азербайджан), С. Джусуев (Киргизия), А. Рахматов (Узбекистан), Ф. Пономарь (Молдавия), Э. Фейгин (Грузия), И. Кашницкий (Литва), В. Алатырцев (Латвия).

На пленуме с большой речью выступил начальник Главного политического управления Советской Армии и Военно-Морского Флота генерал армии Ф. И. Голиков.

ЯПОНИЯ В БЕДЕ

ИЗ ПУТЕВОГО БЛОКНОТА

Александр ЧАКОВСКИЙ

Я ПОБЫВАЛ в Хиросиме. Об этом очень трудно писать. Пожелтевший от пламени циферблат ручных часов, хранящихся ныне под стеклом в мемориальном городском музее, до сих пор стоит перед моими глазами. Владельца этих часов уже давно нет в живых. Их стрелки показывают восемь часов шестнадцать минут. Американская атомная бомба взорвалась над Хиросимой шестого августа 1945 года в восемь часов пятнадцать минут...

Часы были найдены под обломками одного из зданий. Их владелец обнаружен не был. Стекло и металл оказались более жароустойчивыми, чем человеческое тело. Часы хранятся в музее рядом с экспонатами, на которые человек, имеющий сердце и совесть, может смотреть лишь мгновение. Потом что-то сдавливает его горло и что-то застилает глаза. Он не может не опустить голову, увидев останки одежды, которую опалил атомный взрыв, и муляжи обожженных человеческих тел. В этом музее обвиняют мертвые.

Но есть и живые. Через пятнадцать лет после взрыва, уничтожившего один из прекраснейших городов Японии, они страдают от последствий атомной радиации.

Я посетил хиросимский госпиталь Красного Креста, где лечатся жертвы проклятой атомной бомбы. В одной из палат лежат три девушки. Самой старшей — двадцать три года. Младшей было два года, когда ее тела коснулся раскаленный язык атома. Этих девушек зовут Есико Такатани, Сумико Фукума, Сумико Фунамото. Одна из них слепа. У другой парализованы конечности. На теле третьей — незаживающие раны...

Хиросима отстроена заново. Лишь одно полуразрушенное здание оставлено в том виде, в каком оно сохранилось после взрыва. В назидание потомкам.

Над новой Хиросимой возвышается монумент в форме, напоминающей атомную бомбу. И надпись: «Этот монумент воздвигнут 5 мая 1958 года в честь душ детей, погибших от атомного взрыва, и в целях призыва к миру во всем мире». Металлические фигурки детей с распростертыми руками венчают этот памятник. Металлические!..

Кому нужны рассуждения о рабской покорности японцев «властям предержащим»! Я ее не заметил. Но помню Хиросиму, и тот музей, и тот госпиталь, и памятник, увешанный гирляндами маленьких журавлей, — их вырезают из бумаги дети, пострадавшие от взрыва. Говорят, что первую гирлянду сплела маленькая девочка, жертва атомной бомбы, которой сказали, что она выздоровеет тогда, когда вырежет тысячу журавлей. Она лежала в госпитале, и ей было больно и скучно. Она успела вырезать восемьсот маленьких птиц. И умерла.

Кто же покорен в Японии? Мертвые?..

Я не заметил этой «покорности» у живых. В хиросимской литературной ассоциации состоялось собрание, посвященное приезду советского писателя. Пришли писатели, художники, артисты, студенты — всего более ста человек. Собрание открыл президент ассоциации Нобуро Сатаке. Он говорил о будущем Японии:

— Наш народ хочет мира. Но мы боимся, что нас вовлекут в войну. Мы видим эту опасность в договоре, который подписан в Вашингтоне. Народ против этого договора. Борьба не окончена. Народ будет продолжать борьбу. Здесь собрались люди самых различных взглядов и политических убеждений. Но все мы едины в одном: мы против атомной бомбы, против войны.

Г-н Сатаке и президент отделения общества «Япония — СССР», видный ученый д-р Арата Осада говорили затем о Советском Союзе, о его стремлении к миру, о нашей литературе, проникнутой духом дружбы между народами...

Выступали участники собрания. Были заданы десятки вопросов. О советской жизни. О наших книгах. О месте писателя в советском обществе. И о многом другом.

И это собрание еще больше убеждало в том, что талантливый, трудолюбивый японский народ не покорился своей судьбе, что он не хочет возрождения отечественного милитаризма, не хочет и быть привязанным к американской атомной колеснице. Этот народ не желает враждовать с нашей страной, он жаждет того же, чего и все народы мира: чистого неба и не омраченного тревогами завтрашнего дня. И я задал себе наивный, конечно, но столь естественный с точки зрения здравого смысла вопрос: неужели этого не понимают правители современной Японии?

Да, речь идет именно о них, потому что было бы глубоко неправильно недооценивать ответственность японского правительства за то, что происходит сейчас в стране.

Конечно, никто не может отрицать многостороннего проникновения США в Японию, их стремления полностью подчинить ее экономику американским монополиям и превратить территорию страны в военную базу, направленную против Советского Союза и Китайской Народной Республики.

Однако японское правительство и японская монополистическая буржуазия делают все от них зависящее, чтобы американцы в этом преуспевали. Правящие круги Японии всячески стремятся приостановить процесс полевения масс, заставить их безропотно принять политику милитаристской реставрации. Однако усилия реакции остаются тщетными. Об этом со всей наглядностью говорит упорная борьба против пресловутого американо-японского военного договора, в которой участвуют миллионы японских патриотов.

НАШИ ЛЮДИ никогда не переносили свою законную и исторически оправданную неприязнь к империалистической политике милитаристской Японии на японский народ. Советский народ всегда с большим уважением относился к культуре своего японского соседа.

В нашей стране переведено и издано много произведений японской классической литературы, а название театра «Кабуки» хорошо знакомо каждому советскому интеллигенту. Еще до войны и особенно в последние годы в нашей стране издано немало современных японских книг — романов, повестей, рассказов. Японские пьесы печатались в наших журналах, их видели советские телезрители.

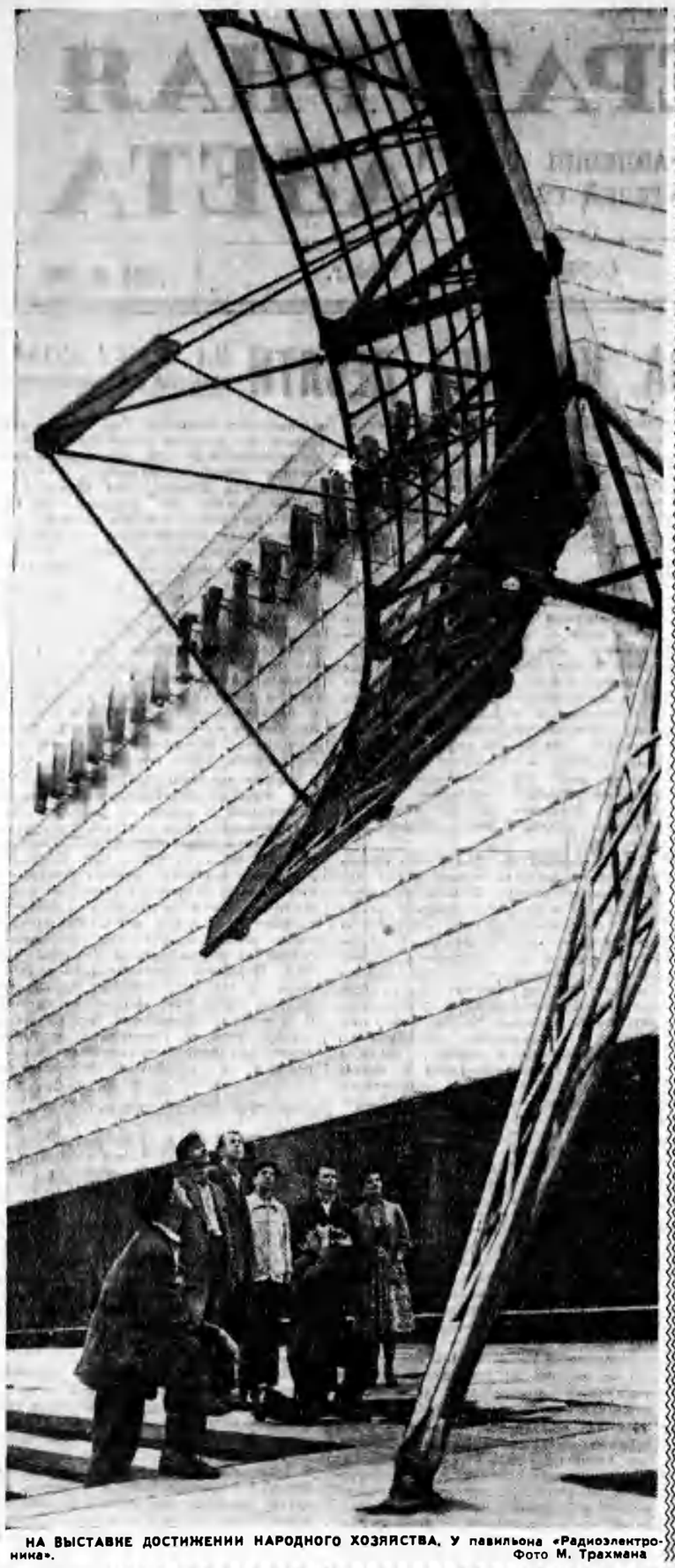
Советская общественность, верная своим традиционным принципам интернационализма, и сегодня, осуждая антисоветскую линию японского правительства, не перестает активно интересоваться различными проявлениями творческого духа японского народа.

Общественно-литературная жизнь страны сосредоточена в двух общеяпонских организациях — в «Ассоциации японских писателей», которую возглавляет Суэкити Аоно, один из старейших и уважаемых литературных критиков страны, и в «Ассоциации литературы новой Японии», руководимой известным публицистом и критиком Кэндзи

(Окончание на 5-й стр.)

В СУББОТНЕМ НОМЕРЕ:

☆ В шахтерском городе. Статья Е. Лопатиной.
☆ А. Чаковский. Путевые заметки о Японии.
☆ Открытое письмо предстоящему учительскому съезду.
☆ Назым Хикмет о сегодняшнем Баку.
☆ «Юность». Номер молодых авторов.
☆ Рассказ Альберто Моравиа.
☆ Неизвестные строки В. Луговского.
☆ Литературный музей.
☆ Субботняя почта «Литературной газеты».

НА ВЫСТАВКЕ ДОСТИЖЕНИЙ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА. У павильона «Радиоэлектроника». Фото М. Трахмана

Пусть в каждую школу войдет Макаренко!

Открытое письмо предстоящему учительскому съезду

ЗАКОН «Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в СССР» получил всеобщее, всенародное одобрение.

Прошло немного времени со дня принятия этого закона. Но какие радостные перемены переживает школа!.. Могучим потоком врывается жизнь в ее стены, классы, лаборатории, мастерские. Но перестройка школы — дело сложное. Ведь школа эпохи коммунизма, которую мы сейчас строим, никогда не имела себе подобной в истории человечества. Естественно поэтому, что порой практикам народного образования приходится идти неизведанными тропами — искать, творить, изобретать! Но так же естественно, что помочь им найти наиболее верные пути призвана педагогическая наука. И здесь в своих коллективных поисках и раздумьях советские учителя вновь и вновь будут обращаться и к драгоценному наследию выдающегося педагога-марксиста А. С. Макаренко, к его опыту, к замечательному примеру его яркой творческой жизни гражданина, педагога.

Система коммунистического воспитания А. С. Макаренко, сформулированная им в его многочисленных блестящих работах, возникла на основе учения Маркса и Ленина, педагогические идеи Макаренко обогатились творчеством замечательного педагога-марксиста Н. К. Крупской, всем опытом Советского государства, опытом воспитания свободного, красивого человека. Именно в этом секрет чудесных, для многих зарубежных наблюдателей необъяснимых успехов воспитания в макаренковских коммунах имени Горького и имени Дзержинского.

В истории советской педагогики останется дата — 29 декабря 1932 года, когда коммуна имени Дзержинского торжественно праздновала свое пятилетие. К этому времени в коммуне был достигнут такой высокий уровень человеческих отношений, что он и сейчас может и должен служить идеалом, к которому надо стремиться школьным коллективам. А. М. Горький, назвавший коммуну окном в коммунизм, сказал о ней главное.

Во весь голос говорит величественная эпоха социализма в ярких художественных произведениях, проникновенных и страстных педагогических работах А. С. Макаренко об уважении и любви к человеку, его духовной красоте, мужестве и гражданственности, о прекрасной советской действительности, воспитывающей и переделывающей людей.

В трудах А. С. Макаренко на основе марксистско-ленинской философии раскрыта научная система методики и педагогической техники воспитания нового человека, к которой он пришел в результате многолетней педагогической деятельности.

Как же нуждается наша школа именно сегодня в глубоком изучении опыта Макаренко, его ценнейших теоретических выводах, его научных указаниях и рекомендациях!

Мы обращаемся к Всероссийскому съезду учителей с тем, чтобы съезд сказал свое авторитетное слово о необходимости широкого изучения творчества выдающегося советского педагога, о смелом новаторском претворении в жизнь его принципов; о том, чтобы инициативнее брать на вооружение его драгоценный опыт.

Очень важно, на наш взгляд, чтобы будущие учителя еще на студенческой скамье глубоко изучили педагогические труды А. С. Макаренко. Поэтому нам представляется своевременной организация в педагогических институтах специальных курсов и семинаров, посвященных творчеству Макаренко.

Вместе с тем, как нам думается, Академия педагогических наук РСФСР совместно с отделами народного образования и институтами усовершенствования учителей должна организовать широкое изучение учителями и родителями творческого наследства Макаренко и, главное, претворение в жизнь школ макаренковской системы коммунистического воспитания.

Мы предлагаем:

1. Установить праздник — День советского учителя. Днем праздника выбрать 24 декабря — день принятия закона о перестройке школы.

2. Ежегодно проводить педагогические чтения, посвященные научной разработке и практическому применению наследия А. С. Макаренко.

3. Учредить медаль А. С. Макаренко за выдающиеся достижения в области воспитательной работы.

4. Учредить в Москве в квартире, где жил Макаренко, мемориальный музей и восстановить в Академии педагогических наук лабораторию по изучению творчества Макаренко и обобщению его практического опыта.

Писатели: Н. ТИХОНОВ, К. ЧУКОВСКИЙ, С. МАРШАК, В. ЕРМИЛОВ, И. АТАРОВ, А. ШАРОВ, В. ФИНК, Е. БАЛАБАНОВИЧ; педагоги: Г. МАКАРЕНКО, В. КУМАРИН, Р. ГУСЕВА, Э. КОСТЯШКИН, Ю. ШАРОВ; Н. ПЕТРОВ, народный артист РСФСР; А. СОЛОВЬЕВ, воспитанник колонии имени Горького, рабочий; В. БОГДАНОВИЧ, воспитанник коммуны имени Дзержинского, полковник ВВС Советской Армии; В. БРОНЕВОЙ, юрист.

НА ВЫСТАВКЕ ДОСТИЖЕНИЙ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА. В павильоне «Градостроительство».

В АКАДЕМИИ НАУК СССР

Вчера в Академии наук СССР проходило общее собрание, на котором были утверждены новые члены-корреспонденты. По отделению литературы и языка Академии наук СССР избраны: в области языкознания — доктор исторических наук Д. А. ОЛЬДЕРОГГЕ, в области литературоведения — доктор филологических наук И. И. АНИСИМОВ, доктор филологических наук А. С. БУШМИН, доктор филологических наук П. Н. БЕРНОВ.

ФУТБОЛЬНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

СИРЕНЬ И АСТРЫ

Начнем с сирени.

После перерыва команды возвращались на поле. Возле выхода из тоннеля их поджидала кучка восторженных болельщиков. Со всех сторон тянулись руки с букетами, и все к одному игроку — рослому, по-мальчишески угловатому. Он брал цветы, боясь обидеть отказом, и тут же спешил передать их своим товарищам. Как видно, ему было неловко, он не понимал, за что, собственно, на него снизошла эта сиреневая благодать.

В самом деле, за что такой почет Юрию Севидову, 1942 года рождения, всего лишь второй раз игравшему в составе московского «Спартака»? Ну хорошо, в тот день он забил два гола в ворота «Адмиралтейца» и показал себя игроком, несомненно подающим надежды. Иных, прошедших проверку временем, спортивных заслуг этот юноша пока не имеет. Так зачем торопиться с сиренью? Думаю, что вернее было бы дождаться той поры, когда под всеми футбольными проблемами подводится итоговая черта и уж тогда, если спартаковский новичок Юра Севидов действительно заслужит награды, поднести ему красивые осенние астры.

Я пишу эти строки не для того, чтобы контролеры стадиона не подпускали к Севидову поклонников с цветами. Дело, разумеется, не в одних букетах.

Давно уже не было в нашем футболе сезона, когда бы так сразу, так смело заявила о себе одаренная молодежь. Назову несколько фамилий. Москвичи Маношин, Воронин, Амбарцумян, Петров, Коршунов, Короленков, киевляне Лобановский и Сабо, рижанин Смирнов, ташкентец Красницкий — все они, на мой взгляд, в недалеком будущем найдут себе место в сборных командах страны, а иные из них два года спустя отправятся в далекое Чили на очередной чемпионат мира. Совсем недавно мы бедствовали из-за отсутствия таких юных игроков, как эти, — техничных, инициативных, не похожих друг на друга, стремящихся играть красиво, с выдумкой. Теперь они у нас есть. И все мы за них в ответе. И тренеры, и старшие партнеры, и журналисты, и любители игры — все, кому дорого будущее футбола.

Поэтому досадно и тревожно видеть 17-летнего мальчика, делающего первые шаги в большом футболе, с охапкой дареной сирени. Поэтому, отмечая радостную примету нынешней весны — появление на зеленых полях множества способных игроков, нельзя не думать о единственном пути, ведущем к спортивным вершинам. Этот путь лежит через невидимый миру болельщиков труд. А букеты — потом, осенью, из астр.

Теперь об астрах.

Принято считать, что сердца болельщиков футбола раз и навсегда окончательно поделены между клубами, ведущими борьбу в чемпионате. Недавно я читал письмо, автор которого вполне серьезно предлагал продавать на стадионах воздушные шары цвета футболок встречающихся команд. Тогда достаточно будет взглянуть, какой шар в руке твоего соседа, чтобы знать, родная ли душа рядом с тобой.

Даже с этой точки зрения нынешний чемпионат должен был вызвать изрядные перемены в среде болельщиков. Ведь вместо ставшей уже привычной и несколько однообразной дюжины за звание чемпиона сегодня борются 22 команды. Если раньше восемь городов имели удовольствие причислять себя к высшему футбольному классу, то теперь на это имеют право 17. Естественно, что произошел и передел симпатий. Если прежде любители футбола, скажем, в Риге, Минске или Ереване, обсуждая дела футбольные, вынуждены были издали, так сказать, теоретически держать сторону «Спартака» либо «Динамо», то отныне их спортивные привязанности принадлежат землякам.

На предварительном этапе чемпионата наиболее остро идет борьба за первые три места в подгруппах. Сейчас уже можно вполне определенно назвать тех, кто сохранил шансы выйти в чемпионскую шестерку. Таких претендентов осталось в первой подгруппе семь и во второй — шесть. Прямо скажем, тесновато на путях, ведущих к футбольным призам!

Спортивным журналистам, хотят они этого или не хотят, приходится заниматься прогнозами. К этому обязывает сам спорт, живущий под знаком вечного вопроса «кто — кого?». Так вот, выполняя эту увлекательную и беспокойную обязанность, я еще до начала сезона писал о том, чего можно ждать от команд, матчи которых видел в марте на стадионах Черноморского побережья. Тогда я заверял читателей, что московское «Динамо», как говорят спортсмены, «в полном порядке».

Теперь, когда я встречаю тренера чемпионов Михаила Якушина, мне приходится начинать разговор с одной и той же фразы:

— Прошу иметь в виду, такой игрой вы губите репутацию и своей команды, и одного спортивного журналиста...

— Все будет в порядке, — смеется в ответ динамовский тренер.

Но время идет, а мы с Якушиным продолжаем шутить.

У чемпионов вроде бы ничего не изменилось: те же имена, та же манера игры. Но команда словно потеряла какие-то полсекунды. И в атаке, и в обороне она стала чуть заметно запаздывать, и уже нет прежней бесперебойной динамомашины. Сумеет ли команда «прибавить»? Не из желания обязательно оказаться правым, а из трезвой оценки скрытых возможностей этого коллектива я продолжаю считать, что динамовцы еще поборются за звание чемпиона.

Когда спартаковца Анатолия Ильина, забившего в двух последних матчах пять мячей, спросили — чем объяснить, что он вдруг так разошелся, этот опытный форвард ответил:

— Теперь у нас есть с кем играть...

В «Спартаке» появились молодые Коновалов и Севидов. И оба, как видно, пришлись ко двору, обоим оказался понятен и близок красивый комбинационный стиль этой команды. Но два матча на финише круга, проведенные командой, как в лучшие времена, это все же только обещание, которое еще нужно сдержать.

В чем еще своеобразие нынешнего сезона? Не секрет, что, имея около двухсот команд мастеров «А» и «Б», мы вовсе не богаты ансамблями высокого класса. В том, что 21 раз звание чемпиона оставалось за тремя столичными командами, нет ничего успокоительного. Если конкуренцию московским клубам способны составить лишь тбилисцы, ленинградцы и киевляне, то это тоже маловато. Поэтому в прошлом году так тепло был встречен успех ростовчан, команды интересной и своеобразной. И вот ныне десятку новичков предоставлена возможность обстреливаться в чемпионате. Тут счет идет не на очки, не на место в таблице. Этим командам надо суметь занять более важное место: в умах и сердцах болельщиков и специалистов футбола.

Мне думается, что подает хорошие надежды рижская «Даугава», в убедительном стиле, спокойно и уверенно обыгравшая на днях «Торпедо». Свой почерк есть и у ереванских спартаковцев. Пока он несколько витиеват, не всегда разборчив, но время «набить руку» есть. Ищут свою игру и «Беларусь», и «Пахтакор», и «Адмиралтеец». К этим поискам следует относиться с особой симпатией, видя в них даже больший смысл, чем в турнирной арифметике. Ведь достижения молодых команд — явление вовсе не местного значения. Они нужны всему нашему футболу.

Итак, первый круг позади. Он принес немало неожиданностей и, значит, был интересен. Пора сирени кончается, она раздарена и отцветает. Кому-то вместе с медалями достанутся осенние астры? Кто из тринадцати оставшихся претендентов войдет в шестерку? Кто из шестерки будет первым? Задача со многими неизвестными. Футбол не тот задачник, где бы на последней страничке можно подсмотреть ответ. Впрочем, это к лучшему. В неизвестности — прелесть футбола.

Л. ФИЛАТОВ

Иду по улицам Баку...

Назым ХИКМЕТ

НЕДАВНО я был в Баку. Город меняется с бешеной быстротой. Особенно его улицы. До революции на улицах Баку было всего-навсего около ста деревьев. В ближайшем будущем Баку станет одним из самых зеленых городов Советского Союза.

В архитектуре сегодняшней улицы деревья играют большую роль. Я думаю, что в стране, строящей будущие города коммунизма, озеленение улицы связано не только со здоровьем и красотой. Озеленение улицы должно способствовать стиранию грани между городом и природой. Деревья, зеленые насаждения, зелень должны чувствовать себя в городе свободно, должны органически войти в улицы. Я это наблюдал в Баку. Снесены заборы и ограждения вокруг парков и бульваров. Парки и бульвары слились с улицей. Они теперь находятся на самой улице. Это очень оживляет асфальт, бетон и камни улицы. Большинство улиц превращается в аллеи парков и бульваров.

Уничтожение заборов в Баку напомнило мне бесконечное множество подобных заборов в других городах, заборов, построенных без всякой надобности и, к сожалению, продолжающих строиться по сей день. Если их соединить, они протянутся, наверное, на десятки тысяч километров. Я вспомнил, например, кирпичный забор вокруг парка Дома творчества писателей в Переделкине, под Москвой. Высокий, широкий, фундаментальный, уродливый, нелепый и ненужный. Для чего он? Кому он закрывает вход в парк? Посторонним? Но ведь ворота раскрыты настежь. И нет никаких сторожей. Никто не спрашивает пропуск. Может быть, для того, чтобы не проник скот? Но на асфальтированных дорогах вокруг и в окрестностях скот не пасется. Для чего же в таком случае построен этот забор? Кирпич, средства и труд, которые пошли на его строительство, могли бы пригодиться, по-моему, для постройки хотя бы одного детского сада. А сколько таких ненужных, уродливых заборов тянется в стране?

Город Баку, разрушивший заборы вокруг парков и бульваров, поставил под деревьями на тротуарах деревянные скамейки. Их чистые краски, ярко-красные, желтые, зеленые, голубые, фиолетовые, радуют глаз.

Рядом со мной была москвичка, приехавшая в Баку впервые. Когда мы вышли из вокзала и увидели эти скамейки на тротуарах, она обрадовалась, как ребенок. «Смотрите, — сказала она, — как хорошо, как умно придумано! Вот в Москве бы поставить такие скамейки. Они и улицы украшают своими яркими красками, и людям покой создают. Домохозяйки с полными корзинами, влюбленные, которым непременно и срочно нужно сказать друг другу несколько слов, и просто вышедшие подышать свежим воздухом только спасибо скажут».

Пожеланиями москвички Московский Совет, может быть, заинтересуется, а может быть, и нет. Но, по-моему, давно пора разнообразить, оживить окраску скамеек в парках и на бульварах Москвы. Об этом же следует подумать и на вокзалах. Нужно избавить скамейки перед вокзалами и привокзальных садиках от надоевшей тусклой, свинцовой окраски. Давайте попробуем покрасить их в яркие, веселые цвета!

Продолжая разговор о скамейках Баку, хочу обратить внимание на одно обстоятельство. То, что они одного размера и одной формы на всех улицах, несколько снижает элемент радости. Не лучше ли поставить на разных улицах разные по величине и форме скамейки, учитывая особенности данного тротуара, интенсивность движения пешеходов а также степень озеленения улицы?

В архитектуре улицы современного города немаловажное значение имеют автобусные и троллейбусные остановки, уличные фонари и часы, площадки или будки регулировщика, газетные и книжные киоски, павильоны и автоматы газированной воды. Как преобразили, как украсили улицы Москвы недавно появившиеся разноцветные автоматы, продающие папиросы, бутерброды, газированную воду! Но во всем этом особенное внимание должно быть уделено современности этих сооружений. Я еще не встретил в Москве специальных автобусных и троллейбусных остановок, украшающих улицы и вместе с тем укрывающих пассажиров от снега, от ветра, от солнца. Правда, когда-то на Ленинском проспекте сделана такая попытка. Но эти остановки, по-моему, еще не нашли соответствующей формы. В Баку я видел одну действительно красивую остановку недалеко от гостиницы «Интурист». Она не только украсила улицу, пассажирам приятно было там дожидаться транспорта. Может быть, нельзя на каждой остановке устроить места ожидания такой величины, как там, но в каждом городе, на каждой остановке можно поставить скамейки и озеленить хотя бы на полметра площадку вокруг нее.

Поговорим о рабочем месте регулировщика уличного движения. Баку постарался разрешить эту проблему, учитывая свои природные условия. Там регулировщик стоит под широким зонтом, который защищает его главным образом от солнца. По-моему, форма и окраска зонта пока еще неудачны, но я вспоминаю рабочее место регулировщика в Москве и особенно в Ленинграде и предпочитаю бакинские зонты даже в их сегодняшнем виде. Конечно, в Москве и Ленинграде нельзя решить проблему при помощи зонта. Здесь забота о регулировщике должна выражаться в том, чтобы защитить его от холода. Но, право, нет никакого смысла помещать регулировщика в Ленинграде в литые, металлические с позолотой коробки, а в Москве чуть попроще — в круглые будки, но в обоих случаях одинаково уродливые. Эти безобразные будки, кажется, пришли на улицы этих городов из прошлого века как олицетворение мещанско-купеческого вкуса. Особенно в Ленинграде. Как будто сидящие в них регулировщики указывают дорогу не современным автомобилям, автобусам, троллейбусам, ленинградцам, строящим коммунизм, а фаэтонам, саням и восседающим в них купчикам Петербурга начала XIX века. Могут возразить, что Ленинград имеет свой исторически сложившийся архитектурный стиль города. Это относится к любому городу, который оставляет следующим поколениям памятники своей истории. Но одно дело учитывать, а другое — подражать старому, быть в плену у исторически сложившегося стиля, не развивая этот стиль, не считаясь с вкусом и потребностями нового человека XX столетия, не принимая во внимание особенностей нового архитектурного материала и новых возможностей в архитектуре. Подражание всегда плохо, даже самому хорошему, и еще хуже быть в плену у чего-то, даже преследуя при этом самые добрые намерения.

Вода в такой же мере оживляет асфальт, камни, бетон улиц, как и зелень. Баку это понял очень хорошо. В местах, непосредственно примыкающих к улицам, строятся большие бассейны. Один из них находится у подножия строящегося фуникулера. Только мне не понравилась статуя Бахрама посреди бассейна. И не только потому, что изо рта змеи, которую он душит, бьет струя воды — решение надоевшее, неоригинальное, — не понравилась и сама статуя. Когда смотришь на нее в профиль, кажется, что вот-вот подогнутся ноги изнемогающего от усилий Бахрама.

Проблема бассейна и украшающей его скульптуры — одна из важных проблем нового градостроительства. Я не знаю, в каком из наших городов эта проблема разрешена наилучшим образом. Но то, что я видел в Баку, Москве, Ленинграде, Киеве и ряде других городов, лишний раз убеждает меня в том, что и в этом вопросе мы ни на минуту не должны забывать, что живем во второй половине XX столетия, что петергофские фонтаны хороши в Петергофе, но не в каждом советском городе, и что, наконец, мы строим города коммунизма, то есть будущего человечества.

В Баку красят фонарные столбы в два цвета. Это очень интересный эксперимент. Правда, краски найдены не совсем удачные, но было бы полезно продолжить этот эксперимент и в других городах. По-моему, социалистический город должен отличаться прежде всего радостью своих улиц. Мы должны избавить улицу от угнетающего серого цвета асфальта и бетона.

Хочу поговорить и об уличных часах. Баку уже стал спускать часы с высоких железных столбов до уровня человеческих глаз. Там они стоят на стеклянных столбах на уровне среднего человеческого роста и имеют четыре циферблата. Под циферблатами на стекле — красочные рекламные рисунки. Ночью они ярко освещаются изнутри и радостно, весело смотрят на человека.

Несколько слов о витринах и вывесках. Конечно, между витринами и вывесками магазинов капиталистического и социалистического городов — очень большая разница. Но в архитектуре улицы того и другого города роль витрины и вывески очень велика. В капиталистическом городе витрина — это место, где хозяин магазина хвалит свой товар, старается доказать, что его товар лучше, чем у соседа. Там у витрины одна единственная цель: помочь продать товар и обеспечить хозяину наибольшую прибыль. В социалистическом же городе одна из главных задач витрины — воспитывать вкус прохожих, свидетельствовать о развитии социалистической промышленности и сельского хозяйства. В Чехословакии, например, очень хорошо поняли важную роль витрин в воспитании вкуса народа. Человек, прогуливающийся по улицам Праги, смотрит на витрины и узнает, как нужно одеваться, как обставлять квартиру, какие сочетания цветов гармоничны. В Москве некоторые витрины уже начали играть эту роль воспитателя вкуса. Но этого нельзя сказать о большинстве витрин Москвы и совсем нельзя — о витринах Баку. Кроме того, мы должны стремиться к тому, чтобы наши витрины не лгали, то есть нет смысла выставлять на витрине то, чего нет в магазине.

В отличие от капиталистического города, мы должны писать, рисовать и вывешивать магазинные вывески, рекламные щиты, учитывая особенности всей улицы, имея в виду, что вывески, щиты и вся архитектура улицы, не теряя своей индивидуальности, дополняют друг друга.

К концу семилетки Баку значительно расширится. Иначе говоря, новый Баку поглотит старый Баку. Появится новый, совершенно иной Баку. Это очень хорошо. Но каков будет облик этого нового города? Появится ли у человека, прогуливающегося по улицам нового Баку, с его жилыми домами, театрами, государственными учреждениями, детскими садами, больницами, гаражами, дворцами культуры, то есть со всеми особенностями архитектуры, — появится ли у этого человека ощущение того, что он идет по социалистическому городу, строящему коммунизм? Чем будут исторические и национальные архитектурные традиции старого Баку: трамплином для развития нового Баку или оковами на его ногах? Беспокойство это не лишено основания, ибо кое-где, например в архитектуре Дома правительства, мы, к сожалению, наблюдаем последнее.

В Баку строятся новые дворцы культуры. Дворцы культуры строятся сейчас в каждом советском городе, даже в каждом крупном колхозе. Но как будут отличаться эти дворцы по архитектуре от дворцов шахов, султанов, царей, помещиков, купцов, капиталистов? Например, будем ли мы строить дворец культуры в Баку наподобие «Ханского дворца» или «Исмаилие» (здание нынешней Академии наук), считая, что таким образом мы следуем национальной традиции? Разве не содержание должно определять архитектурную форму будущих дворцов культуры? А в чем состоит это содержание? В том, что этот дворец будет строиться для удовлетворения культурных запросов нового человека, человека коммунистического общества. И разве эти запросы не отличаются коренным образом от требований шаха, царя, хана, миллионера, которые они предъявляли к своим дворцам?

В духе исторических и национальных традиций построена в Баку и «Девичья башня», с ее предельным лаконизмом линий, полным соответствием формы и содержания. Глядя на эту башню, поражаешься, как искусно сочетается в ее архитектуре национальная, азербайджанская форма с современным, сегодняшним стилем архитектуры. В какой мере будут использованы в новом градостроительстве Баку эти особенности «Девичьей башни»?

Далее. Национальная азербайджанская архитектурная традиция знает также двухэтажный дом с плоской крышей, тонкими деревянными колоннами и большим двором. Как мы будем использовать эту традиционную форму в строительстве домов в сельских местностях?

И, наконец, разве не пришло время создать единый советский социалистический стиль архитектуры, который сочетал бы в себе лучшие черты всех национальных архитектурных стилей и отвечал бы требованиям нового общества и учитывал новейшие достижения техники строительства? По-моему, это время пришло. У этой архитектуры, в зависимости от особенностей республики и природных условий, должны быть различные ветви. Но все эти ветви должны расти от одного высокого ствола — архитектуры Советского Союза. И ни на минуту нельзя забывать, что это дерево вырастает на почве социалистической, то есть пролетарско-интернациональной, то есть гуманистической в самом широком смысле слова и в самом широком смысле слова демократической.

Перед моим отъездом из Баку там состоялось открытие памятника азербайджанской поэтессе Хуршид Бану Натаван. В Баку много памятников, среди них немало хороших. Я видел там, например, прекрасный памятник Сабиру. В ближайшие годы намечается воздвигнуть более десяти новых памятников. При открытии памятника Натаван мой друг писатель Гусейн Мехти произнес речь. Приведу небольшой отрывок из его речи:

«Если я не ошибаюсь, это первый памятник женщине на всем Востоке. Правда, я видел в столице Пакистана Карачи еще один памятник женщине — это был памятник английской королеве. Натаван тоже королева. Но она завоевывала не страны, а сердца людей».

50-летие В. А. Косолапова

Заместителю главного редактора «Литературной газеты» В. А. Косолапову исполнилось 50 лет. Свыше двадцати лет В. Косолапов отдал журналистике, а последние десять лет — «Литературной газете». В приветствии, направленном юбиляру, секретариат правления Союза писателей СССР пожелал ему доброго здоровья и успехов в работе. «Советские писатели, — говорится в этом приветствии, — высоко ценят тот неустанный труд, который вкладываете Вы в дорогое всем нам дело. Ваша любовь к литературе, партийная принципиальность, заботливость, чуткость и внимание к писателям снискали Вам глубокое уважение литераторов».

СВЕРСТНИКИ

ЖУРНАЛЬНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

«КТО ОНИ ТАКИЕ?» — называется первая главка повести. Содержание этой главки вроде бы достаточно полно отвечает на вопрос—в ней своеобразная «анкета», из которой мы узнаем и о возрасте, и о склонностях, и — немножко — о характерах трех героев.

Как будто вопрос исчерпан. Оказывается, ничего подобного. Оказывается, исходных данных мало для того, чтобы понять, «кто они такие» — эти ребята, кому в пятьдесят шестом стукнуло двадцать четыре и чья автобиография умещается на половине странички. Оказывается, целая повесть нужна для того, чтобы ответить на этот вопрос. А, может быть, и повести мало...

Так кто же они такие? Не только нас волнует этот вопрос. В несколько витиеватой форме, прикрывающей искреннюю озабоченность и даже встревоженность, его задает фронтовик Егоров: «Чем вы живете? Вот вы, молодежь? Куда клонится индекс, точнее, индифферент ваших посягательств?»

И молодой врач, молодой прозаик Василий Аксенов старается ответить на этот вопрос всей своей повестью «Коллеги». Он и сам—коллега и сверстник своих героев и, может быть, поэтому имеет особое право на читательское доверие к его рассказу о трех друзьях — бывших студентах - медиках: о мрачноватом Лешке Максимова, об «одессите» Владьке Карпове, о чудаковатом, вежливом Саше Зеленине.

Можно припомнить подобные «амплуа» и а других повестях, но В. Аксенов никого не повторяет. Его ребята своеобычны не только как художественно - индивидуальные характеры, но и как новые ребята, «шестидесятники». Сказать, что они принципиальны, беспокойны, мужественны, — еще ничего о них не сказать. И невооруженным взглядом видно, что герои Аксенова както по-новому принципиальны, по-новому неуспокоенны. Это юноши второй половины пятидесятых годов — после пятьдесят шестого. Здесь есть над чем подумать критику...

Разбирать повесть, хотя бы пытаться ставить точки над i пока не стоит. И не только потому, что «окончание следует» в 7-м номере «Юности». Не только потому, что повесть заслуживает большего, чем пересказ, — заслуживает разговора по серьезному счету. Главное в том, что наш разговор — не о каком-либо отдельном произведении, а о всей шестой книжке «Юности».

Этот номер необычен. Он целиком — от повести, рассказов и стихов до рисунков, фотографий и обложки — создан молодыми авторами. Причем молодыми не в том еще употребительном смысле — не художниками за тридцать и не поэтами под сорок, а самыми настоящими, «без обмана» молодыми, даже юными (это слово все-таки звучит достойнее, чем «начинающие»). Подавляющее большинство авторов номера еще не перешагнуло через четверть века; среди них — студенты, рабочие, учителя.

Но когда мы назвали номер необычным, мы не собирались умиляться по поводу молодости его создателей. Мы имели в виду нечто иное.

Номер примечателен прежде всего тем, что непривычно для журнала целен. Каждое его произведение, отмеченное поиском и талантом (а иных, к счастью, в нем немного), собственно говоря, написано на одну тему, решает в конечном счете одну проблему — ту, с которой мы начали рецензию: «кто мы такие?»

Это понятно. Молодые люди, лишь вступающие не только в литературу, но и в жизнь, пишут о том, что они лучше всего знают. А это — они сами и их сверстники.

Когда читаешь этот номер, когда постепенно минуешь рубрику за рубрикой — «Стихи», «Рассказы», «Театр», «Очерки», убеждаешься: на его страницах вырисовывается образ нашего молодого современника. Образ не закончен, как еще не до конца высеченная скульптура, — одни черты прорезались ясные, другие — слабее, но он уже варен натуре.

И может ли быть иначе, если в журнале немало биографических справок, вроде той, что предпослана очерку «Талая земля»:

«Валерию Никитину 21 год... Уехал в Воркуту, где участвовал в строительстве шахт. Последнее время работал слесарем... В конце апреля отправился в археологическую экспедицию... Печатается впервые».

О чем же пишет Валерий? Да о той самой Воркуте, где он «участвовал в строительстве шахт». Невесело было стать землекопом после десятилетки: «Какому общему делу я служу? Какую новую жизнь строю? Я просто рою траншею, я делаю ничтожное, мизерное дело... Неужели строить коммунизм — это и значит рыть траншею?..»

Так столкнулись высокие, праздничные, выученные в школе, но не пережитые слова — и тяжелая будничная работа. Не сразу для подростка становятся зримыми, живыми эти высокие категории...

Очерк рассказывает о том, как в бригаде парней, многие из которых приехали сюда в лучшем случае «по-честному подработать денег», а кое-кто откровенно, цинично гонится за длинным и легким рублем, — у этих разношерстных людей складывается коллектив, способный и победить блатную силу, и сказать свое веское слово рвачам.

Но главное, о чем очерк, — это трудное возмужание героя — то есть самого Валерия Никитина! — формирование Человека.

Раннее взросление, путь к зрелости — путь нелегкий. Надо в чем-то бороться и с собой, надо побеждать в себе душевную инертность, что тянет в сторону от прямой дороги. Надо избавиться от самоуспокоения: «Я буду выпускать «молнии», оформлять стенгазеты, делать все, что понадобится, и у меня не будет времени копаться, как сейчас, в своей душе».

Утешить себя этим — значит не стать Человеком. В. Никитин и его герой выигрывают этот спор.

В небольшом обзоре трудно не только разобрать—хотя бы оценить! — все заслуживающее внимания в этом номере. Придется лишь коротко сказать о мужественном, драматичном рассказе Юрия Грибачева «Цена человека», тоже посвященном трудному взрослению, возмужанию. Придется лишь отметить язвительные заметки В. Ивановой о «знатоках», на деле идущих мимо искусства, интересные (хотя, может быть, излишне «литературные») очерки С. Тарасова, обстоятельную рецензию Н. Анастасьева, посвященную спектаклю «Друг мой, Колька!», проблемный очерк Л. Ворщевского, рассказывающий о перестройке школы...

Важно отметить, что все это произведения на ту самую «главную» тему, на тему— наши сверстники. Эти очерки, заметки и рецензии затрагивают самые серьезные вопросы воспитания характера.

В журнале есть и лирические рассказы Э. Шухмина и С. Курылевой (мы сегодня перепечатываем их в газете), и рассказы молодых спортсменов, и репродукции с картин художников-студентов.

И, наконец, поэзия... В номере выступают одиннадцать молодых поэтов, еще не известных или почти не известных читателям. Не все их стихи отличаются «лица необщим выраженьем», но все же в лучших заметно, как проступает своеобразное поэтическое лицо автора сквозь необязательное, не свое.

Скажем, в «Стихах о яблонях» С. Куняева слишком многое отдано самоцельной, хотя и затейливой, игре словом, но зато в стихотворении «Доски почета» им найден верный поэтический «ракурс», в котором значительными и обаятельными выглядят «плотники, доярки, слесаря», чьи фотографии выставлены на районной Доске почета:

Я-то знаю, как они немеют
и не знают,
руки деть куда.
Становиться в позу не
умеют,
вот пахать и строить —
это да.

Интересны стихи Владимира Савельева «Петькина юность» — о рабочем пареньке, стихи сердечные, хотя и несколько стилизованные. Обаятельны стихотворения Д. Сухарева. И среди довольно средних стихов С. Гринина вдруг выделяется свежее, чуть озорное стихотворение «Галя Огарышева» — об отчаянном юном влюбленном, во всю мочь, во всю глотку, на всю улицу оповещающем о своей неслыханной любви:

Окно предусмотрительно
закрывает мать.
Ах, что они, родители,
могут понимать?..
А внизу взывающе
слышно на углу:
— Галя Огарышева,
Я тебя люблю!..

...«Номер молодых» выпущен редакцией «Юности» уже не впервые. Но и в «обычных» номерах мы не раз встречались с дебютантами, которым «Юность» пожелала доброго пути и которые ныне успешно работают в литературе. Так пусть «добрым» — но нелегким и неторным — будет путь и тех молодых авторов, о которых мы сказали сегодня несколько слов.

Станислав БОРИСОВ

Светлана КУРЫЛЕВА

ФЕДЯ идет по дороге размашистым шагом, руки в карманы; кирзовая сумка на манер командирской в такт шагам бьет по бедру. А за ним, шагах в десяти, скрипя валенками, семенит Зинка. Поспевать ей нелегко, она пыхтит, ей очень хочется окликнуть его, но она не решается. Так они ходят уже целую неделю после того, как Зинкина мать, тетка Татьяна, остановив Федю на улице, взялась за пуговицу его куртки и смущенно попросила:

— Федя, деточка. Как будешь из школы домой идти, мою Зинку с собой бери. Вам ведь по пути. Боится она. Пока ходила засветло — ничего, а теперь, как дни малые стали, просто беда! То ей волк примерещится, то лихой человек...

Федя слушал тетку Татьяну, недовольно сдвинув брови. Во-первых, что это еще за «деточка»? Ему через два месяца шестнадцать стукнет, а она... Во-вторых, эта Зинка... Одним словом, девчонка. С ними вообще неинтересно. Тем более... Ну, что общего может быть между ним, учеником 9-го класса, и ею, восьмиклассницей? Пожалуйста, обождать он ее может, но идти рядом и занимать разговорами... Это уж извините-простите! Пусть поспевает, а не нравится, пусть ищет другого попутчика. А у него есть дела поважнее. Надо, например, серьезно продумать схему радиоприемника, который он будет собирать на занятиях радиокружка. Как только его мысли обращаются к приемнику, на душе становится празднично, а шаги сами собой делаются еще размашистей.

Прямо перед ним, на каком-то удивительном зеленоватом небосклоне, неподвижно и выпукло стоит луна; кругом необозримая, вся сверкающая снежная равнина. Мороз градусов двадцать, но Феде тепло, даже жарко: горят руки, ноги, лицо...

— Фе-е-дя! — раздается отчаянный крик.

Федя вздрагивает от неожиданности. Он было совсем забыл о Зинке.

— Ну, чего тебе? — Он с неудовольствием замедлил шаги.

Зинка подбежала, тяжело дыша, вся круглая, как булка, повязанная большим серым платком.

— Там... там... волки! — проговорила она, стуча от страха зубами и заикаясь. Он посмотрел в направлении ее варежки. Шагах в ста от дороги неспешной рысью куда-то по своим делам бежали три понурые собаки. Федя пригляделся и впрямь волки!

— Собаки! — пренебрежительно проговорил он, невольно понижая голос.

— Федь, не беги так шибко. Мне сзади страшно!

— Трусиха. — Он пожал плечами и поднял с земли большую сучковатую палку.

Пошли рядом. Федя с видом храброго человека небрежно помахивал палкой, а Зинка то и дело озиралась в ту сторону, где скрылись волки. Наконец она пересилила себя и начала разговор.

— Федя, ты какой предмет больше всего любишь? — дрожащим голосом спросила она.

— Вопрос! Конечно, физику.

— А я русскую литературу.

— Нашла что любить.

— Что ты? Там же стихи, проза... Вот, например, Пушкин. Мы его сейчас проходим. Какой замечательный поэт!

— Всю жизнь твой Пушкин ничего не делал. За него крепостные работали. Только и знал что стихи сочинять.

— Так это же и есть труд!

— Нашла труд! Каждый дурак сумеет!

— И ты? — Зинка вся так и загорелась любопытством. — А ну-ка, сочини что-нибудь!

— Пожалуйста. О чем? — осведомился он.

— Ну, вот о том, что мы идем из школы. И про луну, и про дорогу.

— Сейчас. — Федя на ходу сдвинул шапку со лба и зашагал решительнее.

Зинка семенила рядом и все заглядывала ему в лицо смеющимися глазами. Но как он ни напрягался, стихи у него что-то не шли. Было неудобно перед девчонкой за свое хвастовство. Она тонко уловила его смущение и перевела разговор на другое:

— А мне, Федя, больше всего нравится «Капитанская дочка». И кино такое есть. Маша Миронова как живая у меня перед глазами стоит. Такая она приветливая, такая скромная...

Федя искоса посмотрел на Зинку и перебил:

— А вообще-то наш век — век техники. Стихи и всякое художество сейчас не главное. Надо строить ледоколы, ракеты, создавать новые модели автомашин, телевизоров, радиоприемников... От этого люди лучше жить будут, а не от стихов.

Светлана Курылева — молодая учительница. Она преподает русский язык и литературу в средней школе в поселке Каменец, Брестской области.

— Но ведь радио и телевизор — чтобы музыку слушать, стихи передавать, — тихонько, скромненько вставила она, опустив ресницы.

Федя с досадой нахлобучил шапку и подумал: «Да ну ее! С девчонкой спорить!»

— Гм! Разве радио и телевизор только для музыки? — хмуро спросил он. — А как принимают сигналы со спутников?! — азартно закричал он.

— Конечно, конечно, — заспешила Зинка,— для науки непременно нужно радио, только главное его назначение — нести культуру в массы, — вымолвила она чьи-то слова и с важностью посмотрела на Федю, независимого и расстроенного.

Наконец вошли в деревню. Федя жил в начале улицы, Зинка — в конце.

— Федя, — робко начала она, — подожди, пока я до дому добегу!

Федя обрадовался несказанно. Ага! Как ни умничай, все равно ведь трусишка. Девчонка, одним словом. А Зинка побежала, поскрипывая валенками, оборачиваясь и пятясь задом, чтобы удостовериться, что он не ушел, стоит. Добежала до своего дома и радостно помахала рукой. Федя был недоволен собой.

На следующий день он постарался опрокинуть на Зинку такой запас сведений, почерпнутых в журнале «Знание — сила», что она не смогла вставить ни одного словечка, а только семенила рядом, часто заглядывая ему в лицо широко открытыми, восхищенными глазами. Так была восстановлена справедливость, и Федя почти примирился с Зинкой.

А через неделю он шел домой один. Сколько ни оглядывался, сколько ни всматривался в темноту, дорога была пуста. Он с удивлением почувствовал, что ему скучно, что дорога кажется унылой и очень, очень длинной. Он так уже привык, что где бы ни задержался, куда бы ни зашел после школы, как только он выходил из поселка в поле и последний дом — баня — оставался позади, к нему, откуда ни возьмись, как шарик, выкатывалась Зинка, пристраивалась и всю дорогу семенила рядом.

На следующий день Федя со скучающим видом, будто невзначай, прошел мимо Зинкиного класса, но Зинки там не было. Ясно, Больна. Она и говорила хриплым голосом. Горло, наверное, болит. В буфете он увидел большие пористые лимоны.

— Дайте мне один лимон, — безразличным тоном попросил он и сам себя предупредил: «Это я Шурке, братишке...» Но когда вечером Шурка нащупал в его куртке что-то удивительное и с загоревшимися от любопытства глазами уже полез рукой в карман, Федя вдруг заорал страшным голосом: — Не трожь!

К Зинке он пошел за полчаса до того, как надо было выходить в школу. «Ри-и-п!» — пропела дверь. В кухне никого не было. Федя прошел дальше и увидел Зинку. Она лежала на большой деревянной кровати и читала, медленно водя глазами по строке и шевеля губами.

— Зина! — негромко позвал он.

Она подняла глаза и просияла.

— Это ты? — спросила она с удивлением и радостью. — Садись, садись, Федя! А я приболела, — грустно объяснила она и приподнялась.

Странно. В овчинном полушубке и большом платке она казалась круглой, как шарик, а сейчас, в одной вязаной кофточке, с волосами, повисшими вдоль побледневших щек, она была такой щупленькой, что у Феди заскребло на сердце. Он повозился, вынул из кармана лимон и бросил ей на одеяло.

— Это лимон, да? Я видела лимоны только на картинках. Вкусные они? — Она вонзила в него маленькие ровные зубы и вся сморщилась.

— Глупая, его ведь с чаем пьют!

Они посмотрели друг на друга и засмеялись от ее ошибки и еще от непонятной радости, переполнявшей их. А потом их взгляд сам собой перешел на ходики с полустершимся циферблатом, и улыбка сошла с губ.

— Ну, я пойду.

— Иди, — упавшим голосом отозвалась Зинка.

На уроке, пока не стемнело, он все смотрел в окно. На косогоре стояла березка с голыми ветвями. И эта березка с висячими ветками почему-то напоминала ему Зинку, худенькую, бледную, с незаплетенными косами... И ему захотелось подарить ей что-нибудь. Лучше всего подходило для подарка бабушкино коралловое ожерелье, но бабушка начнет выспрашивать, зачем да кому, подмигивать веселым глазом... Разве стащить? Приемник — вот что надо подарить, приемник! Она ведь любит музыку и стихи. Пусть слушает! Федя даже подскочил от радости. И только он стал воображать, как принесет ей приемник, завернутый в газету, как...

— Федька, тебя к доске. Оглох? — толкнул его в бок сосед по парте.

Дня через два, когда Федя шел по дороге, не оглядываясь, в полной уверенности, что Зинка еще лежит, сзади послышался знакомый окрик:

— Фе-е-дя!

Он быстро обернулся. По дороге шариком катилась Зинка. Она подбежала, запыхавшись. Некоторое время они стояли и смотрели друг на друга со счастливыми лицами, будто потеряли и снова нашли друг друга.

— Ты сегодня в школе была? — ревниво спросил Федя.

— Да.

— Чего же ты за мной не зашла?

— А можно? — обрадовалась она и, наклонившись, снизу вверх заглянула ему в лицо.

— Спрашиваешь! Серьезно, Зина. Ты каждый день заходи за мной. Ведь веселее... — прибавил он почти просительно.

Она кивнула головой и выронила портфель. Шагов через десять опять выронила.

— Ты что?

— Руки у меня замерзли, — жалобно призналась она. — Без варежек я. Спешила, боялась, что ты без меня уйдешь. В парте забыла, — объясняла она, скорчившись и пытаясь засунуть руки в рукава своей шубенки, но они были короткие, узкие, и Зинкины негнущиеся руки не лезли в них.

Федя пристраивал ее портфель к своей сумке и краем глаза видел все это.

— Давай-ка твои руки! — деловито скомандовал он и стал растирать их сухим, колючим снегом. — Теперь прячь в карман!

— Нет у меня карманов, Федя.

— Ну, в мои... Или, знаешь, суй ко мне за пазуху, быстрее согреются.

Она сунула свои руки ему за пазуху, и они, холодные, робкие, прильнули к его груди. Так они стояли некоторое время и молчали.

— Сердце твое бьется! — с удивленной улыбкой сказала она и подняла заиндевевшие ресницы.

И вдруг ему ужасно захотелось поцеловать ее в маленькие обветренные губы, которые были совсем близко от него, но он яростно одернул себя: «Ты что, жених какой?» Ее руки разогревались все больше и больше и, горячие, притихшие, жгли его так, что ему стало невыносимо жарко и даже страшно.

— Ну все. Твои руки уже совершенно согрелись, — официальным голосом заявил он и осторожно отстранил ее. — Надень-ка мои рукавицы!

И опять они идут: он шагает, она семенит рядом, он говорит ей о радио и электронике, она ему — о Пушкине... Время от времени она тихонько просит:

— Не беги так шибко, Федя. Не поспеваю...

Он сразу сбавляет шаг и примиряется к ней.

А впереди еще много-много таких дорог: и зимой, и весной, и осенью, и при луне, и без, и в снег, и в дождь. И от этого так радостно и так удивительно на душе...

Эдуард ШУХМИН

МЕЛОЧЬ

ЧЕЛОВЕКУ было восемь лет. Человек собирал копейки, да, обыкновенные медяшки достоинством в копейку. Не удивляйтесь: у копеек тоже есть достоинство.

Он и сам не знал, зачем это ему — копейки. Просто он видел: один гоняется за старыми марками, другому необходимы новые перья, и совсем тут не в том дело, что собирать, новые перья или старые марки, важно само слово «коллекционер», длинное, звучное иностранное слово.

Человек, которому было восемь лет, очень любил свои медяшки.

Они хранились в старой жестяной коробке, и он не променял бы их ни на что: ни на старые марки, ни на новые перья.

И, придя из школы домой, человек два часа просиживал над своими сокровищами.

У него было много сокровищ — все копейки. Он раскладывал их по годам и смотрел, какая стопка будет выше. И всегда самой высокой оказывалась стопка сорок шестого года. Человек недоумевал: почему это?

Но в глубине души он верил, что сорок шестой год был самым счастливым: тогда, наверное, у всех было много копеек. Он высказал свое предположение вслух, но отец ничего не ответил.

Отец считал: человек, которому восемь лет, не должен знать, что в сорок шестом был неурожай и за буханку черного выкладывали сотню.

Человек разыскивал монеты повсюду. Он не был привередливым: для него годились и новые копейки, и старые.

Откровенно говоря, затертые, облезлые монеты нравились ему больше новеньких. Что в них, в новеньких-то? Один блеск. Как пуговицы.

Зато старые он мог перебирать часами.

Он с удивлением смотрел на копейку, которую отчеканили задолго до его рождения. Он осторожно дотрагивался до нее и думал, что, может быть, эту копейку держал в руках капитан дальнего плавания. Конечно, капитан: она вся синяя по краям. Перед отплытием капитан решил купить папирос. Он курил «Беломор» («Единственный приличный сорт», — говорил папа, когда — давно — отводил человека в детсад). «Беломор» стоил 2 рубля 56 копеек. Капитан достал два рубля, потом двадцать копеек, потом еще двадцать, потом десять, потом пять и вот эту самую копейку, что принадлежит теперь ему, человеку, которому восемь лет.

И так за каждой медяшкой стояла какая-нибудь история.

Человек очень любил придумывать истории, но с новыми копейками истории не придумывались: новенькие копейки были слишком опрятные, слишком правильные и ровные — историям не за что было цепляться.

Такие копейки оставляли его равнодушным.

Еще он был равнодушен к пению. Ему было скучно на пении.

Он пускал бумажных голубей или громче всех пел: «В лесу завяла елочка!».

Однажды, когда ему стало невыносимо мутторно, он проделал и то, и другое одновременно. Учительница пения поставила ему сразу две двойки, длинно писала что-то в дневнике, а под конец скомандовала:

— Покажешь отцу!

И отец увидел двойки.

Мало того, он узнал, что его сын, человек, которому восемь лет, упорно не желает повышать свой культурный уровень и расширять кругозор — ведь в наши дни трудно представить образованного человека, который хотя бы в общих чертах не был знаком с вокальным искусством.

Эдуард Шухмин — студент 4-го курса Литературного института имени А. М. Горького. Ему 24 года.

Отец постоянно помнил, что у него есть сын, и при разговорах о детях в его памяти постоянно всплывала одна фраза: «Детей нужно воспитывать».

Когда возраст сына измерялся пятью годами, отец изредка провожал его в детский сад.

Больше он его не воспитывал.

Отец был человек решительный и самокритичный: «Не воспитывал? Ладно, сегодня же возьмусь!».

Первым долгом он изучил дневник сына. Там он увидел тройку по арифметике, одну четверку по физкультуре, другую — по письму и эти две двойки по пению. И отец рассердился: «Все ясно, как дважды два! Мальчишка лентяй! Он бездельничает, не учит уроков!.. А когда ему учить, если он является из школы и моментально вытаскивает свои гроши? Разглядывает, шепчет... Типичный скупой рыцарь... А уроки ждут! И вот результаты: ни одной пятерки, даже по физкультуре четыре. И дальше: сегодня он прячет копейки, завтра потянет рубли — кончится ограблением банка. А как же! Так оно и бывает — со ступеньки на ступеньку!»

И, возмущенный, отец огнем девяносто одну копейку — девяносто одну историю, девяносто одну мечту — в парикмахерскую и, добавив десять своих безличных копеек, получил взамен новенький, шуршащий, негнущийся рубль.

На следующий день человек, которому было восемь лет, обнаружил, что все его сокровища — все копейки — исчезли.

Старая жестяная коробка была пуста. Он закрыл ее и потряс в воздухе: не звякнет ли? Но без монет коробка была легкой и молчаливой. Он положил ее и заплакал.

Отец подошел к нему и принялся говорить, что он уже взрослый, что он должен серьезно учиться, стать образованным. И взрослый человек, которому было восемь лет, соглашался с отцом, утвердительно опуская голову: да, он взрослый, да, он должен учиться, быть образованным...

Только куда девались копейки?

— Ты, я вижу, ничего не понял!.. Ну скажи, к чему тебе эти медяшки?

— Они не медяки. Они из бронзы.

— Из бронзы? — переспросил отец.

За свою жизнь он уже свыкся с тем, что мелочь — это из меди. А теперь вот говорят, что из бронзы.

И он смутился, и он забыл все слова, которые намеревался сказать сыну. А сын был рядом. Он прожил восемь лет и успел выяснить: копейки делаются из бронзы.

И отец вынул из кармана шуршащий, негнущийся рубль.

Он протянул его сыну: на, иди ешь мороженое, наслаждайся жизнью! Но человек, которому было восемь лет, не взял рубля. Если он не жаловал новенькие копейки, зачем ему новенький рубль?.. И он вышел на улицу.

И отец не задержал его.

На улице была осень, начало октября.

И раз была осень, то были на бульварах желтые листья, такие желтые, как монетки достоинством в копейку.

На небе выступили звезды. Они были далекие и маленькие — размером в копейку — и тоже желтые.

Человек задирал голову к звездам и ни о чем не думал.

Да и что, в сущности, произошло?

Мальчишка собирал мелочь — мелочь!

Взрослые обменяли мальчишечью мелочь на рубль — мелочь...

Но вот мальчишка не хочет возвращаться домой, выбирает дальнюю, кружную дорогу. Бредет по городу, смотрит на звезды — все-таки они немножко похожи на копейки.

Семен ГРИНИН

ГАЛЯ ОГАРЫШЕВА

Тоненькая девочка,
На ветру дрожа,
Смотрит недоверчиво
С шестого этажа.
Яростно, пугающе
Несется на углу:
— Галя Огарышева,
Я тебя люблю!
С неба листья осени
Падают к ногам.
Из окна доносится:
— Что за хулиган?
Окно
предусмотрительно
Закрывает мать.
Ах, что они, родители,
Могут понимать?
Бегают, волнуются,
Запирают дверь.
Налетает с улицы:
— Галочка, поверь!
Только как довериться!
Мать кричит свое.
И с утра до вечера
Около нее.
А внизу взывающе
Слышно на углу:
— Галя Огарышева,
Я тебя люблю!..

В КРАЮ ЛЕСОВ И ОЗЕР

Исполнилось сорок лет Карельской АССР. Карелию обычно называют краем рек, озер и лесов. Впрочем, сказать сейчас так о Карелии—значит сказать только половину правды о республике. Конечно, и реки, и озера, и леса — все это по-прежнему есть в республике. Но за годы Советской власти в этом крае появилось многое другое, что и определяет в первую очередь лицо Карелии: новые, современной архитектуры города, замечательная промышленность, высокоразвитая культура.

В Карельской АССР вырос большой отряд талантливых поэтов и прозаиков, чьи голоса известны далеко за пределами республики.

Сегодня мы печатаем стихотворение поэта Николая Лайне.

Николай ЛАЙНЕ

ЗДЕСЬ Я РОС...

Я родился среди скал лобастых,
звона хвой и падающих вод,
где вчера
в плену болот опасных
в страхе жил мой маленький народ.
Тщетно прячась от судьбы за ставни
и кору замешивая в хлеб,
так и жил бы,
нищетой задавлен
и от слез невыплаканных слеп...
А сегодня
вместо чащи — срубы,
светлых изб смолистые ряды...
Чистым небом дышат эти трубы,
и железной новью
пахнет дым.
Здесь я рос.
За словом вдохновенья
к здешним соснам шел.
В лесах бродя,
каждой строчкой вслушивался в пенье
быстрых пил
и в зябкий шум дождя.
Молоточков частый стук о крышу.
Песня со сплавных весенних рек...

Если впрямь я это все услышу,
Значит, я недаром прожил век.

Перевел с финского
Р. ТАКАЛА

Вечером на Выгозере

Фото С. Белавина

ИЗ МАСТЕРСКОЙ ПОЭТА

В ПРОСТОРНОМ кабинете, где все сохранилось в таком виде, как будто Луговской вышел только на минуту в соседнюю комнату, на письменном столе среди вещей, знакомых мне еще с литинститутской юности, лежат записные книжки поэта. Они велись в среднеазиатских республиках и на дальних погранзаставах, в гостиницах европейских столиц и где-нибудь у костра, под звездами, среди уснувшей пустыни. Перелистываешь страницы этих многочисленных записей, и тебе приоткрывается доступ в мастерскую поэта, где велась незаметная и кропотливая работа, где накапливались детали за деталью, где сохранялись все замыслы и подступы к теме, куда заносились строки, которые позднее встретятся нам в стихах и поэмах Владимира Луговского. Это был огромный, требующий терпения и настойчивости, я бы сказал, — пчелиный труд.

Записные книжки Луговского ждут еще своего внимательного исследователя, который сможет найти здесь немало интересных черт, расширяющих наше представление о выдающемся советском поэте. Нас, например, поражает многообразие сведений и фактов, жизненных впечатлений и наблюдений, легших в основу книги поэм «Середина века». Загляните в записные книжки, и вы увидите, сколько было потрачено сил на собирание этого материала.

Сегодня мы хотим познакомить читателя только с несколькими страницами из рабочих блокнотов Луговского. Здесь его интересные высказывания о поэзии и роли поэта, здесь взволнованные слова требовательного художника, чувствующего себя в долгу перед неисчерпаемым богатством и красотой жизни. Вероятно, эти записи были сделаны накануне очередной беседы Луговского с молодыми поэтами, воспитанием которых он занимался всю свою жизнь. Я хорошо помню эти увлекательные встречи в комнате на Тверском бульваре, где по стенам теснились открытые стеллажи и тускло поблескивало старинное оружие. Как умел Луговской подойти к книжной полке, достать оттуда какой-то томик и прочесть своим рокочущим голосом стихи, которые ты слышал впервые и с которыми уже никогда не расставался. Короткие записи этих бесед мастера с подмастерьями и сохранились в записных книжках. А дальше идут наброски, эскизы, этюды, все то, что обычно делает живописец на клочке бумаги или на обрывке холста.

Но разве не современно звучат эти строки, как будто написанные совсем недавно, после взлета нашего космического корабля в межзвездные просторы:

Такая ночь,
что руки протянуть
Ко всей вселенной,
всем созвездьям рядом
И полететь,
пронзая Млечный путь,
Ракетой
межпланетного снаряда.
Видны
деревьев
строгие черты,
Отвесного хребта
седые гребни,
И в этом мире
кажешься мне
гы
Как листья юной,
как деревья древней.

1957 г.

И разве не волнует нас то, с какой любовью и уважением говорит поэт о трудовых людях Франции, о неисправимом весельчаке и оптимисте Кола Брюньоне в стихотворении «Сердце Франции».

Вот почему мы решили предложить вниманию читателей, любящих поэзию, эти отрывки из записных книжек. Как по отдельным образцам, хранящимся в рюкзаке геолога, можно судить о богатстве залеганий руды или алмазов, так и в этих незавершенных строках мы узнаем того Владимира Луговского, какого мы любим и помним, автора «Песни о ветре» и «Курсантской венгерки», «Синей весны» и «Середины века».

Мнх. МАТУСОВСКИЙ

***

Когда художник, вышедший сам из народной среды — певец, скальд, сказитель, творил свое произведение, он знал все о своем народе, он был таким же рыбаком, таким же звероловом, таким же скотоводом. Он знал, как делаются свадьбы, как режут оленей, как убивают, как родят, — он знал все.

И вот в этой приближенности великая сила художника. Он знал все многообразие действительности, которую он видел вокруг.

***

Я вижу гигантское движение жизни в ее схватке с пустынями, с безлесьем, с безлюдьем. И когда на собственных глазах видишь все это — от мельчайших ростков до огромного цветения, это является огромным стимулом для творчества.

Я только жалею о том, что слишком мало писал об этом.

И еще слишком мало видел, хотя действительно прошел всю Европу и всю страну от Каспийского моря до китайской границы, все города Таджикистана и Туркменин. И мало! Хотя знаю, что жить мало остается, и знаю, что писал не так, как хочется, и вижу все, в каждой строчке вижу недостатки. Иногда только выплывет что-то ночью...

***

По южному берегу ночь идет,
Бьет двенадцатый час,
Сиреневый кружится небосвод
И это в последний раз.
В последний раз,
смерть катая,
Уносятся гор черты —
Седая искра бытия
В глубинах пустоты.

***

Неужто можно полюбить
так горестно
и нежно.
Вдруг в сумерках
январской
кровью крашенной зари,
Когда трещит мороз,
как на костре
валежник,
Когда все ветки
в огоньках —
слетелись снегири.

1957

***

Тебя давно уж нет на свете,
но я беседую с тобой,
я вспомнил бухту, южный ветер,
зеленопламенный прибой.
Ангары. Ночь. Тень гидроплана —
огромное лицо луны,
тревожный холодок дурмана
от губ твоих, от крутизны.
Холщевые одежды лета,
над штабом красная звезда.
Вплоть до зари, вплоть до рассвета
не расставались мы тогда.
Не расставались, целовались.
Сверчки гремели, а кругом
шла исподволь событий завязь,
над нами плыл железный гром.
Что понимали мы в столетьи —
две тени слитых в серебре?
. . . . . .
. . . . . .

1957

Сердце Франции

Смутные холмы Бургундии легли
Под февральским бледно-синим
небом,
Мощные текут пласты земли —
Вечные творцы вина и хлеба.
И на той земле проходит он:
Весельчак, гуляка, мудрый мастер.
Старый друг людей —
Кола Брюньон,
Сердце Франции и образ счастья.
Богатырь Бургундии могучей,
Крепкорукий жилистый француз, —
Над твоей землей проходят тучи,
Только ты, как встарь, не дуешь
в ус.
Видел я тебя в широкой блузе,
В кованных железом башмаках,
Древний облик верного француза,
Для которого неведом страх.
Ты живи, ты пей вино, твори,
Раздвигай плечом крутые тучи,
Мирный день улыбкой озари —
Богатырь Бургундии могучей!

1951

НА МОЕЙ РОДИНЕ

Рисунки болгарского художника П. БЕЛИНА

ТЫРНОВО

РОДОПЫ

Шашлыки

ЗАРУБЕЖНЫЕ НОВЕЛЛЫ

Альберто МОРАВИА

РИМСКАЯ ЗИМА. Под проливным дождем я шел по аллее Виллы Боргезе, что ведет к музею. Можно было видеть падение каждой капли, словно чертившей светлую линию на черном небе, потому что солнце за рощицей ярко сияло среди разбегавшихся во все стороны светлых облаков. Шел дождь, и было солнце, и если бы я не знал, что сейчас январь, я бы подумал, что это март, настолько мягок был воздух, а трава высока, густа и зелена. Дождь был крупный, а солнце сияло так, что казалось золотым, и трава под деревьями пила одинаково жадно и дождь, и солнце. Я вдруг почувствовал себя счастливым, и мне показалось, что в ногах моих такая сила, как будто я гигантский кузнечик и могу одним прыжком достигнуть крыши музея, желтый фасад которого виднелся в конце аллеи; и я действительно сделал прыжок, запрокинул лицо к небу, ловя дождь губами, и капля дождя, попавшая мне в рот, опьянила меня, подобно глотку ликера; я подумал: «Мне двадцать лет... и мне еще жить этой жизнью, такой прекрасной, по крайней мере сорок или пятьдесят лет... да здравствует жизнь!»

Направо от аллеи, на пригорке, я увидел несколько крупных холеных лошадей, верхом на них сидели хорошо одетые мальчики; они прятались под дубом, ожидая, когда кончится дождь, и, не знаю почему, эти лошади показались мне очень красивыми, и я опять подумал: «Какой же я счастливый!». В это время я машинально начал напевать модную песенку, и мне вспомнилось название фильма, который я смотрел недавно: «Песни под дождем».

Наверное, я был счастлив потому, что шел на первое свидание с Глорией, кассиршей одного бара в районе площади Реджина, где я работал механиком гаража.

Эту Глорию я подцепил в баре, когда мы смотрели в темноте передачи по телевизору: сначала я коснулся ее своим локтем, потом, приободрившись, положил свою руку на ее, и вот после передачи я ей назначил свидание на четверг, потому что это был день, когда хозяйка бара заменяла ее в кассе. Сегодня был четверг, я шел на свидание и был счастлив.

Единственное, что меня беспокоило, — это деньги, которых было мало. Такое бывает, если тебе двадцать лет и ты механик гаража. Денег было настолько мало, что я мог предложить Глории не более чем посещение зоопарка, после чего самым большим было бы выпить кофе в баре, и то стоя. И, конечно, никакого кино, потому что кинотеатры в районе улицы Венето* очень дороги, и тем более никаких танцев в дансинге, даже в дансинге Куадраро**.

Я питаю особую страсть к животным, и у меня были иллюзии, что Глория также разделит ее. К тому же я рассчитывал на чувство: если оно есть, то какое значение имеют деньги? Размышляя таким образом, я дошел до музея, где и было назначено место свидания.

Чтобы укрыться от дождя, я встал под навес и стал ждать. Вот наконец появилась Глория. Она вышла из пустынной аллеи, прикрываясь зонтиком от дождя. Увидев, как она была одета, я вдруг почему-то почувствовал, что ошибся: это была не та девушка, которая годилась бы для меня: она вырядилась в новое красное пальто и в шелковое платье цвета бутылочного стекла. Прическа была совсем другая, так что я едва узнал ее: обычно она носила волосы прямые и распущенные, теперь же она завила их, собрав в узел на затылке, и черты ее лица, крупные и несколько грубоватые, неисправимо выступили наружу, как будто оголенные. Особенно меня поразили нос, который, хоть и не был уродлив, не был и красив (он был немного картошкой), и ее брезгливый рот, слишком густо намазанный жирной помадой.

Как только мы поздоровались, она сказала мне: «Уф! Не хватало только этого дождя. Ну, куда пойдем? Почему бы нам не пойти в кино? Где-нибудь здесь поблизости, на улице Венето?» Я ответил: «Хорошенькое развлечение! Сидеть в кино, в темноте, а после этого попрощаться, пожелав друг другу «спокойной ночи».

— Тогда пойдем танцевать.

— Я не умею танцевать.

— Не умеешь? Пора бы научиться! Ну, и повезло же мне, бедной! Что же ты тогда хочешь делать?

Я начал: «Был бы зоопарк...» Но она сразу же прервала меня и сказала, кривя губы:

— Как служанки с солдатами в увольнительной. Благодарю покорно, я пойду домой.

И она сделала вид, что уходит. Почти желая в глубине души, чтобы она и в самом деле ушла, я сказал:

— Ну что ж, до свидания.

Тогда она испугалась, что я брошу ее:

— Ну ладно, пойдем, что ж поделаешь.

И вот мы отправились в зоопарк под дождем через пустынную аллею. Глория шла туда нехотя, это было видно даже по ее походке, высокомерной и нарочито медленной. Наконец дошли до зоопарка. У входа не было ни души или, вернее, никого, кроме продавца воздушных шаров, прятавшегося под деревом от дождя.

Я купил билеты и два пакетика орехов, дав один из них Глории.

— Это еще что такое?

— Это обезьянам.

— Ну, сам и корми их, я терпеть не могу обезьян.

Мы вошли в зоопарк, и она направилась к слонам. Один из них был огромный, с серой кожей, которая так висела на нем, будто была ему велика. Он прислонился лбом к прутьям решетки. Я, было обрадовавшись, сказал:

— Видишь, слон?

А она грубо:

— Да, действительно, слон. И что тут особенного?

Симпатичный слон смотрел в упор на нас своими умными маленькими глазами. Наклонившись, я сорвал немного травы и передал ее Глории со словами: «Попробуй дать ему». Ей не хотелось, но потом она недовольно взяла. Слон вытянул хобот, взял траву из рук Глории. Согнул его снова медленно-медленно и положил траву в рот. Глория не смогла удержаться от радостного восклицания: «Смотри, ест! Ест!» В какое-то мгновение у меня появилась надежда на то, что она войдет во вкус. Но Глория тут же раскаялась: «Ну вот, я испачкала руки землей... Смотри»,— и с отвращением вытерла их о мой плащ. От слона мы перешли к носорогу; он был поистине безобразен с этим своим рогом между глаз и стоял неподвижно, как изваяние, весь блестящий от дождя. Я сказал Глории: «Он некрасив, но ведь он не виноват в этом: под этой толстой

Альберто Моравиа

Рисунок М. БРЕНАИЗЕНА

оболочкой у него доброе сердце, он не ест ничего, кроме травы». Но Глория раздраженно ответила: «Что тут занимательного? Он будто весь сшит из кусков кожи, как футбольный мяч»,— и прошла мимо, направляясь в помещение гиппопотама. Там было темно, в одном углу лежало сено, и за решеткой можно было угадать большой бассейн, полный черной и спокойной воды, — гиппопотама не было видно.

— Его нет, пошли,— сказала Глория все еще раздраженно и выбежала. Я отстал и увидел, как из воды показались два глаза гиппопотама, похожие на блестящие рожки, потом часть грязной спины и, наконец, уже вся голова. Бедный, он такой медлительный, потому что слишком большой: ему понадобилось порядочно времени, чтобы выйти из воды, но теперь он позволял посмотреть на себя; он был добрый и даже открыл огромный рот, весь обложенный внутри мясом, с желтыми зубами, короткими и косыми, и язык, казавшимся розовой подушкой. Обрадовавшись, я позвал:

— Глория, Глория, он показался наружу!..

Напрасный труд: она уже была далеко, возле бурых медведей.

Эти лежали, свернувшись, на земле за оградой, подложив под голову волосатые когтистые лапы, и мирно спали. Глория даже взглянуть на них не захотела, сказав, что медведи напоминают ей медвежью шкуру на полу у одной ее старой тети. В общем, она была совершенно нетерпима, и видно было, что она нарочно вела себя так. Особенно это было заметно, когда мы смотрели газелей, таких красивых, с их тонкими ногами, с черными прекрасными глазами, с загнутыми рогами; «Козы! Что, я пришла смотреть коз!». Я надеялся на тигров, львов, пантер и так далее. В одной клетке было два тигра, действительно великолепных; они беспрерывно ходили наперерез друг другу и время от времени смотрели на нас злыми желтыми глазами, окруженными множеством желтых и черных полос. Глория снисходительно, сквозь зубы, сказала, что они красивы, и мы любовались ими, как вдруг произошел всеобщий переполох среди немногих посетителей. Все бросились к соседней клетке, где кормили львов. Я сказал Глории:

— Бежим скорее, посмотрим.

На этот раз она позволила себя увлечь, но, к несчастью, споткнулась и совершенно неожиданно закричала жалобным голосом:

— Какое несчастье, сломался каблук!

И в самом деле, она подвернула ногу, и каблук сломался. «Эти туфли! Я-то знаю, сколько они мне стоили! И кто мне теперь заплатит за них?» — захныкала она ощупывая каблук, а я в это время нетерпеливо ждал рядом: львы урчали, как на светопреставлении, и потом все прекратилось, самая интересная часть обеда кончилась. Действительно, когда мы подошли (она, прихрамывая и опираясь на мою руку, а я, поддерживая ее), не было уже почти ничего, на что стоило бы смотреть: львы лежали по темным углам и, нагнув свои желтые головы, оглядывали оставшиеся лошадиные ребра. Глория сказала: «Однако, как они воняют». И это было все, что она нашла нужным сказать об этих трех львах, таких красивых, что можно было смотреть целый час на них, затаив дыхание. Теперь я тоже был в плохом настроении. Я бы ее убил, честное слово.

Дошли до места, где были медведи и тюлени с Северного полюса. У этих белых медведей довольно дурацкий вид: один из них лежал, подняв кверху ноги, и терся спиной об пол, как будто чесался, другой качал головой вверх—вниз так, что рассмешил меня. Глория же комментировала: «Еще ковры». Мне понравились тюлени; они весело плавали, по два, как будто исполняли какой-то танец, прыгали на искусственные льдины, показывая черные блестящие тела, и снова ныряли в воду. Но Глория оттащила меня от них со словами:

— Единственное, что меня интересует в тюленях, — это туфли и сумки, которые делают из тюленьей кожи.

В общем, все было не по ней. Тут мне захотелось дать ей понять, что мне надоело, и я направился прямо по аллее к выходу. Она поняла и, ухватившись за мою руку, спросила:

— Куда мы идем?

— Уходим.

— А обезьяны? Не посмотрим обезьян?

— Нет, посмотрим их в другой раз.

— А что, ты сердишься на меня?

— Да, ты мне надоела.

— Ну, не сердись, — вдруг ласково сказала она. — Знаешь, я вчера думала о тебе.

— И что думала?

— Ничего. Думала о тебе и все. Ну, идем смотреть обезьян.

...Вот и клетки обезьян. Там были совсем маленькие обезьяны: они быстро-быстро ловили в своих длинных хвостах блох, одновременно поглядывая на нас грустными глазками; другие обезьяны были побольше, с собачьей головой и задом, похожим на два фиолетовых баклажана. Теперь Глория старалась сделать вид, что обезьяны ей нравятся, но делала для этого такие усилия, что я почти предпочитал этому ее прежнюю резкость. Я даже сказал ей:

— Да перестань. Видно на расстоянии километра, что животные тебя не интересуют.

— Видишь, какой ты! Всегда недоволен! Мне нравятся, да, очень даже нравятся, но не могу же я прыгать от радости. Дай мне эти орехи.

Между тем опять начал накрапывать дождь тонкой-тонкой сеткой: он был блестящий от солнца, которое ярко сияло за пальчами зоопарка.

Теперь мы были перед клеткой шимпанзе. Один из них, ростом с мальчика лет четырнадцати, весь покрытый коричневой лохматой шерстью, стоял в углу и, как настоящий человек, ел банан: держа его в руках, он очистил кожуру и аккуратно ел маленькими кусочками. Другой встал на качели и, выпрямившись, раскачивался вверх—вниз; было непонятно, для чего он это делал, настолько он был серьезен. Рядом с клеткой стояли двое молодых людей, один худой и высокий, другой маленький и толстый, они смеялись, комментируя жесты и гримасы обезьян. Шимпанзе, который был на качелях, спустился и подошел к решетке, по-прежнему стоя на двух ногах. Он тянулся к нам ртом, черным снаружи и розовым внутри, как будто хотел говорить, и странно повизгивал; одновременно он чесал живот там, где шерсть была не такая густая. Глория протянула ему орех, но шимпанзе даже не заметил этого. Она сказала:

— Можно узнать, что с ним? Ему не нравятся орехи, что ли?

Шимпанзе изобразил нечто вроде свиста и отошел, согнувшись, в глубину клетки с усталым видом, потом вдруг повернулся, набрал с полу целую пригоршню бог знает какой грязи и, размахнувшись, запустил прямо в нас. Единственной пострадавшей была Глория, так как я стоял за ней, а двое молодых людей успели быстро отскочить в сторону. Все произошло в один миг: Глория взглянула на свое красивое красное пальто, запачканное сверху донизу,— двое молодых людей разразились смехом. Она крикнула:

— Чтоб он был проклят, этот зоопарк! Проклятая скотина! — и, рыдая, побежала прочь.

Я пошел было за ней, но она предупредила меня:

— Не подходи, оставь меня! Оставь меня в покое!

И я, постепенно замедляя шаг, в конце концов остановился. Глория дошла до выхода и скрылась из виду.

В это время на черном небе появилась большая многоцветная радуга, хотя дождь еще шел. Я тоже вышел из зоопарка, вновь поднялся по аллее и опять очутился на том же месте, где два часа назад чувствовал себя таким счастливым. Теперь я был вялый и грустный. Вилла Боргезе казалась мне такой же будничной, как всегда, и тот же самый дождь, который делал меня таким счастливым, что я готов был выпить его, теперь мешал мне. Ах, зачем у женщин такая власть: делать человека счастливым, даже не подозревая об этом, и портить все своим несносным характером.

Перевел с итальянского
Д. БЕРНАРДИНИ

* Улица Венето — самая аристократичная улица Рима.

** Куадраро — район на окраине Рима.

ИСПЫТАНИЕ ЛЮБВИ

НЕ СКРОЮ, на первый концерт Вана Клиберна мы шли с особым волнением и даже некоторой тревогой. С Международным конкурсом имени Чайковского в Москве и с Клибернom у нас связано столько незабываемых впечатлений, столько живых и радостных переживаний! Каким стал за эти два года Клиберн? Найдем ли мы, распознаем ли в новом, сегодняшнем Клиберне старого юного Клиберна — вот что занимало всех. И это естественно. Ведь именно московский конкурс оказался решающим поворотным пунктом в жизни и во всей артистической судьбе Клиберна.

Теперь, когда прошли два концерта Клиберна, мы можем с радостью сказать: нет, не напрасно советские любители музыки отдали Клиберну свою любовь. И вовсе неважно, сыграл ли сейчас Клиберн то или иное сочинение удачнее или хуже. Но нам не безразлично: куда, если так можно выразиться, растет Клиберн?

Полно серьезного смысла, что первым номером своей первой программы Клиберн поставил третий концерт Сергея Прокофьева — одно из самых замечательных произведений русской советской фортепьянной музыки. Затем — второй концерт Брамса. А далее целый вечер Шопена с обеими сонатами (второй и третьей). Итак, значит, Клиберн решил выступить перед москвичами обязательно в новом репертуаре. В этом было проявление и особой симпатии и уважения к советскому слушателю — и публика наша оценила это.

Кажется, Дидро принадлежит мысль, что в искусстве существуют два вида энтузиазма: энтузиазм души и энтузиазм мастерства. Поразительная сила воздействия пианизма Клиберна в том, что он умеет в своей игре слить оба эти энтузиазма.

За два года Клиберн очень повзрослел в своем искусстве. Его техника стала еще более отточенной, мастерство — более свободным, артистичным тонким. Его трогающий светлый лиризм — более углубленным. В сердечной полнозвучности, юношеской непосредственности, простоте и искренности было неповторимое обаяние искусства Клиберна. Он сохранил это обаяние. Только его эмоциональная импульсивность находится сейчас больше под присмотром и контролем разума, интеллект все больше начинает забирать власть над его искусством.

Но, может быть, самое главное, что хочется отметить, это то, что Клиберн ныне как художник, чувствует себя свободнее, смелее, самостоятельнее. Тогда, два года назад, на конкурсе в его игре порой ощущались черты некоторого правда, озаренного гениальностью, ученичества. Конкурс имени Чайковского не мог на чуткого художника не оказать огромного, стимулирующего, ободряющего воздействия. Не мог не внушить ему веры в свои силы, удесятерить эти силы. После конкурса молодой музыкант почуял, что у него словно выросли орлиные крылья. И он смело и вместе с тем спокойно и уверенно, сам и по-своему ныне и составляет репертуар и продумывает исполнительский план выбранного произведения. В прошлый раз, в 1958 году, Клиберн замечательно играл Фантазию и Третью балладу Шопена. В нынешнем концерте его трактовка этих же вещей оказалась еще более зрелой, значительной, захватывающей. Не только по мастерству, но по глубине концепции поразительными в шопеновской программе были также и соната си минор, и скерцо до диез минор.

Я вовсе не хочу сказать, что все уже достигнуто Клиберном, что решительно все исполнительские проблемы им решены, что путь пройден. Вовсе нет, путь еще только начинается. И Клиберн еще сам весь в поисках, в становлении, во внутренних борениях. Нередко его собственные желания остаются полностью не реализованными. Его планы порой до конца словно не додуманы. Первые две части си бемольной сонаты (той, что с похоронным маршем) например, были исполнены значительно менее убедительно, чем последующие. Похоронный марш был сыгран сурово и просто, без капли ложного пафоса и истерики: душу разрывает горе, а глаза — сухи. Потрясающе был передан в последней части плач ветра над одинокой могилой. На утренней репетиции и интерпретации концерта Прокофьева, казалось, пианист вовсе упустил из виду утонченное «скифство» этой музыки, а вечером в игре Клиберна чувствовалась и железная ритмика, и властная сила, но зато чуточку не хватало поэтической одухотворенности и романтической приподнятости. В концерте Брамса с неравненным очарованием была передана светлая и певучая печаль третьей части, нежная прозрачность финала Но могла ли с этим гармонировать массивная, кованая звучность, которой придерживался Клиберн в первых двух частях этого же концерта?

Отметим тут же, что прекрасными партнерами Клиберна в концертах Брамса и Прокофьева были дирижер Г. Рождественский и оркестр Московской филармонии (более удачен ансамбль был в концерте Брамса).

Две программы Клиберна оставили огромное впечатление. Еще раз мы убедились в том, что Ван Клиберн достойно носит высокое и почетное звание лауреата первой премии Международного конкурса имени Чайковского. На наших глазах Клиберн ныне вырастает в одного из выдающихся пианистов нашей современности. В прошедших концертах Клиберн, однако, не только «отчитывался» перед советскими слушателями в том, что он сделал за два года. Концерты эти оказались также проверкой дружбы, испытанием любви, которая родилась в дни конкурса в Москве между Клибернom и советской аудиторией. Это испытание на верность ныне, можно сказать, выдержали обе стороны. Впрочем, это и не удивительно. Старинная мудрость гласит: «Ты хочешь иметь друга? — Будь им!» Советские люди умеют быть верными и преданными друзьями своих друзей. Но только верных друзей. Верных и искренних.

М. СОКОЛЬСКИЙ

ПОЛУТОНА

Полуправдой,
полуложью
половинчатость страшна...

Это верно.
Только все же
я люблю
полутона.

И иду я без опаски
в мир,
где полднем
и в ночи
есть свои
у каждой краски
инфракрасные лучи.

ПОДМАСТЕРЬЕ

Хочу всегда быть
подмастерьем
с большими ладными
руками.
Пускай мне ночь пожестче
стелет,
а утро будит петухами.
Кому-то, знаю, имя
мастер —
как туз беспроигрышной
масти,
как перепрыгнутая
пропасть,
в индульгенция, и
пропуск...
И он живет как бы
в пустыне:
увенчан, признан —
и потерян...
А мне грехов не отпустили.
А я хочу быть
подмастерьем!
Пускай меня похлеще
лупят,
пускай и любят, и не
любят,
пусть не жалеют, мнут,
как глину,
и лепят глыбу, лепят
глыбу!
Пусть будет жизнь моя
бессменна —
ничем затормозить не
смейте!
Ведь подмастерьем быть —
бессмертно,
я в этом — мастерства
бессмертье.

НОВЫЕ СТИХИ

Римма КАЗАКОВА

ОЖИДАНИЕ

Кто-то ночью хлопает, лопочет...
То ль сверчки настроили смычки,
то ли это, вылупись из почек,
листья разжимают кулачки?

У природы есть свое подполье —
как людей, ее не обвиню:
то девчонкой принесет в подоле,
то дурнушкой сохнет на корню...

Жаль травы, которая завязла —
в страхе, чтоб метели не смели,
Жаль травы, которая завяла,
слишком рано выйдя из земли.

Слишком рано или слишком поздно...
Но, ни в чем природу не виня,
все ж хочу не мудрости обозной
и не скороспелого огня!

Побывав в дозоре и в разведке,
испытав судьбу на сто ладов,
лето, подожги зеленым ветки!
Безгранично. Прочно. До плодов.

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

ЯПОНИЯ В БЕДЕ

Накадзима. В Японии, в отличие от других стран, издавна существует разделение литературы на так называемую «чистую» и «нечистую», популярную. «Чистой» считается литература, оторванная от реальной жизни, эстетская. «Нечистой» — та, что пишется для «масс».

Однако в слово «популярная» вкладывается совсем не то значение, которое мы привыкли придавать этому слову. Речь идет в данном случае о литературе вульгарной, рассчитанной на удовлетворение низменных вкусов. Разумеется, такое разделение литературы несколько условно и схематично. Внутри этих «школ» существует множество оттенков и течений. В современной японской литературе есть писатели-реалисты в нашем понимании этого слова, большая группа литераторов сосредоточивает свое внимание исключительно на «самовыражении» своего «я», на своих личных психологических переживаниях, есть писатели-модернисты, есть, наконец, и свои «сердитые молодые люди».

Да и в историческом аспекте разделение литературы на «чистую» и «нечистую» далеко не полно объясняет конкретные особенности литературного процесса, поскольку еще в тридцатых годах в Японии существовала влиятельная «школа пролетарской литературы», которая до зверского убийства одного из лидеров этой школы — Такидзи Кобаяси оказывала большое влияние на развитие японской литературы.

Несмотря на те трудности, с которыми было связано в Японии рождение прогрессивной, проникнутой заботой о народных нуждах литературы, эта литература в Японии существует. Более того, в последние годы она значительно окрепла. Этому способствовала сама жизнь.

Какие же явления и процессы характерны для умонастроений современной японской интеллигенции вообще и литературной в частности?

Тот же самый «проклятый» вопрос, что стоит сейчас перед японским народом, встает и перед японскими писателями. Как жить дальше? Что делать?

Никто или почти никто не хочет возврата к старому. Но и настоящее с его неуверенностью в завтрашнем дне, тревогами, все возрастающей нищетой тоже мало кого устраивает.

Не только океан омывает сейчас Японию. Мутное море чуждых японскому национальному характеру нравов, порнографии, растущей преступности захлестывает японские берега.

Что же делать японским писателям? О чем писать? Погрузиться в прошлое и в который уже раз перепевать старые самурайские легенды, каждый раз соответственно подкрашивая их в духе времени? Или погрузиться в созерцание собственного «я», существующего вне времени и пространства? Или стать певцом рефлексии, отчаяния и горечи, благо мотивы этих песен так и носятся в воздухе современной Японии? Или, может быть, плюнуть на все, ведь «сила солому ломит», снять телефонную трубку, позвонить редактору одного из низкопробных еженедельников и сказать, что все надоело — материальная необеспеченность, мучительные поиски издателя для хорошей, честной книги, — и ты готов продать черту душу и писать все, что потребует редактор, писать об убийствах, шизофрении, проституции, гомосексуализме, о безысходности, мезальянсах, о чем угодно, за что платят хорошие деньги...

Японская литература развивается в очень трудных условиях. «Американизация» и тут не проходит бесследно. В Японии существует огромная «литературная индустрия». Десятки еженедельных журналов, специализирующихся на печатании «популярной», то есть низкопробной, развлекательной, литературы, держат в кабале многих японских писателей. Издатели предлагают им деньги — и большие деньги! — в уплату за кровь их сердец. Они требуют от писателей поточной и потогонной работы, писания по пятнадцати часов в сутки всевозможных романов с бесконечными продолжениями, которые должны поступать точно в такой-то день и час, из недели в неделю, из месяца в месяц.

Цель этих издателей и редакторов — бизнес, и только бизнес. И дилемма: полунищенское существование или продажа своего пера этому литературному Молоху, — каждодневно стоит перед японскими писателями.

Да, литература в Японии развивается в очень трудных условиях. Я вспоминаю беседу с одним из старейших и уважаемых японских литераторов — писательницей Язко Ногами, автором многотомного романа «Лабиринт», который предполагают перевести у нас.

Мы сидели в старом доме г-жи Ногами («он принадлежал моему покойному мужу, разве я смогла бы приобрести такой на свои средства?»), и я спросил:

— Какие из современных японских книг, по вашему мнению, честно и объективно рисуют жизнь японского народа?

Ногами долго думала, прежде чем ответить на мой вопрос. А потом своим тихим, проникновейным голосом сказала:

— Не судите меня за то, что я не могла сразу ответить вам. Ваш вопрос вызвал у меня ряд мыслей... И мне захотелось рассказать вам, почему таких книг у нас еще очень мало...

И Ногами рассказала мне все то, что я попытался вкратце изложить несколькими абзацами выше...

Однако было бы глубоко неверно утверждать, что все японские писатели находятся во власти «литературной индустрии». Именно в последние годы под влиянием конкретных условий японской жизни стала крепнуть прогрессивная литература. Годы борьбы против американской оккупации и американо-японского военного договора, против растлевающего влияния американской психологической оккупации, пришедшей на смену оккупации военной, не могли пройти бесследно для японской литературы.

Наряду с писателями, стоящими на позициях марксизма, еще большее количество литераторов, не являющихся последовательными сторонниками марксизма, встали на прогрессивные позиции, заняли свое место в рядах борцов за независимость Японии. Это честные и смелые люди. Именно они создают современную передовую литературу Японии. Речь идет о литераторах разных социальных убеждений.

Такого писателя, как, например, К. Хироцу, конечно, никто не назовет коммунистом. Но после нашумевшего «дела Мацукава» Хироцу, известный и уважаемый в Японии романист и критик, активно включился в политическую борьбу. Его знаменитый памфлет «Дело Мацукава» имел огромное влияние на общественную жизнь Японии. Памфлет был инсценирован и поставлен Новым национальным театром. Он имел поистине потрясающий успех.

Огромный успех в Японии имел и роман Т. Исикава «Человеческая стена». Он явился как бы ответом писателя на разработанный властями проект репрессий против учителей японских школ. По роману был поставлен фильм, его посмотрели миллионы японцев. Сейчас готовится вторая серия этого фильма.

Социальная тема с каждым годом все активнее вторгается в японскую литературу. Она зазвучала в творчестве католического писателя С. Эндо, автора романа «Море и яд», в котором остро ставится вопрос об ответственности за минувшую войну. С. Като написал роман «Праздник углекопов», в котором рисует борьбу между шахтерами и предпринимателями на угольных шахтах Северного Кюсю. Нашумевший в Японии роман писателя Д. Гомигава «Условия человеческого существования» посвящен истории молодого человека в военные годы.

Замечательным вкладом в передовую национальную японскую литературу являются романы таких прогрессивных писателей, как Хироси Нома и Сигэхару Накано. Важные проблемы современности поднимают в своих произведениях писатели Т. Абэ, Т. Каико, И. Хотта, Р. Сиина, А. Хино.

Все они написали книги, разные по своему подходу к жизненным явлениям, по идейному звучанию. Но мне хочется отметить сейчас лишь одно: вопреки японским традициям «чистой» литературы, вопреки разлагающему влиянию и «соблазнам» литературы «популярной», эти писатели (и не только они!) обратили свои взоры к жизни народа, к проблемам, актуальным для сложного и противоречивого бытия современной Японии. И в этом — знамение времени...

ПОСЛЕ устроенной японскими писателями прощальной встречи, на которую они пригласили и советского посла Н. Федоренко, я вышел на Гиндзу — центральную улицу Токио. Море света заливало ее в этот вечерний час. Рекламы отплясывали свой акробатический рок-н-ролл. В большинстве надписи были английские. В Токио рано ложатся спать, кино и рестораны закрываются в десять, и только «ночные клубы» открыты «допоздна» — до двенадцати часов ночи, — видимо, Западной Европе и Америке в этом вопросе еще не удалось сломить здравый смысл японцев. Нравы площади Пигаль и Бродвея ограничены здесь хотя бы во времени.

Но в этот вечерний час Гиндза была полна народа. Ничто, на первый взгляд, не отличало Токио от любого другого капиталистического города. Ким Новак и Мэрилин Монро слали японцам свои неоновые улыбки. Тысячи людей заполняли в эти часы Асакуса — токийский район развлечений, с его бесчисленными кабачками, барами, чайными домиками, мюзик-холлами, аттракционами, кинотеатрами.

И в старой, довоенной Японии хватало подобных спутников жизни капиталистического города. И сама мысль о противопоставлении послевоенной Японии довоенной в пользу этой последней не может быть названа иначе, как реакционной.

Миллионы японцев, и особенно молодежь, не хотят возврата к старому. Они ненавидят милитаризм, дикие пережитки феодализма, островную замкнутость и нищету, на которую обрекал большинство населения абсолютизм. Но они спрашивают: неужели «демократия» и «современность» должны обрушиваться на их страну под фальшивые звуки джаза, в сопровождении столь несвойственных японским девушкам ужимок и кривляний, под грохот револьверных выстрелов гангстеров, в рамке из книжных обложек, на которые противно смотреть?

И американцы им отвечают: да, так надо. Это и есть подлинная демократия. Вы — независимые. Вы свободны подписать с нами военный договор. Свободны отдать земли под наши полигоны. Имеете право торговать нашими товарами. Можете подражать нашим кинозвездам, нашим гангстерам, нашим бизнесменам, нашим «битникам»... Все позволено. Пейте, если есть на что, веселитесь, забудьте обо всем. Приобщайтесь к нашему образу жизни. И не думайте. Мы будем думать за вас. Единственное, что требуется пока от вас, — ваши земли. Мы построили на них свои базы. Но нам их мало. Мы хотим еще. Пока нам нужно это. Пока... Ну, а потом мы скажем вам, что делать дальше. Найдем применение вашим рукам и вашим ногам. Ведь японцы — неплохие солдаты...

Мне казалось, что я слышу эти слова.

Но я слышал и ответ на них — в Токио, встречаясь с десятками японцев, в Хиросиме, стоя перед памятником, при виде которого стынет кровь. Японский народ, познавший ужасы большой войны, опаленный взрывом атомных бомб, не хочет «потерять свою душу». Он хочет сам владеть своей страной. Хочет сам покончить с пережитками феодализма и снова поднимающим голову милитаризмом. Он хочет жить в дружбе со всеми, в том числе и с американским народом, а не с теми представителями США, которые растлевают Японию.

Этот народ хочет дружбы с нашей страной. Он знает разницу между царской Россией и Советским Союзом. И это ощущаешь на каждом шагу...

Но сейчас японский народ в беде. Может быть, он расплачивается за то, что слишком долго позволял думать за себя — сначала императору и его воинственным генералам, а потом правителям, продавшим душу Доллару.

Но в Японии стоит памятник жертвам атомной бомбы и слово «Хиросима» стучит, как метроном, как огромное сердце.

Миллионы людей слышат его. И миллионы японцев хотят новой жизни для своей родины. Хотят мира и счастья, довольства и подлинной свободы, независимости и права распоряжаться своей судьбой — всего того, с чем связано большое, всеобъемлющее слово — Жизнь!

Вулкан народного гнева в Японии пришел в движение. Огненная лава демонстраций каждый день заливает улицы городов и поселков страны. Политические сейсмографы никогда еще не регистрировали в Японии такого мощного извержения народного негодования. В движении протеста против агрессивного военного союза с США, против приезда Эйзенхауэра в Японию, за отставку правительства Киси принимают участие миллионы японских патриотов. Среди знаменосцев этого движения много видных деятелей культуры. На снимке — литераторы Иоко Мацуока, Сузкити Аоно и другие во главе делегации работников литературы и искусства направляются к парламенту, чтобы заявить протест против ратификации американо-японского договора.

Снимок агентства Джапан Пресс.

НАШИ ГОСТИ

На днях редакцию «Литературной газеты» посетил известный английский писатель Джон Уэйн, автор знакомого советскому читателю романа «Спеши вниз». Состоялась оживленная беседа, во время которой Д. Уэйн поделился своими впечатлениями о современной английской литературе.

Вашингтон маневрирует

Карл МАРЗАНИ

АМЕРИКАНСКАЯ буржуазная пресса полностью замалчивает новое предложение о разоружении, выдвинутое Советским Союзом. Можно с уверенностью сказать, что в настоящий момент лишь небольшое число американцев имеет хоть какое-то представление о советском предложении, о важнейшей инициативе, выраженной в нем.

Какова же стратегия нашей печати? Все газеты, начиная с «Нью-Йорк таймс», крупными буквами печатали различные характеристики и замечания, сделанные премьером Хрущевым в адрес президента Эйзенхауэра (на пресс-конференции в Москве), но замалчивали существо советского предложения о разоружении. Эта стратегия дала свои плоды, ибо инцидент с самолетом «У-2» и срыв совещания в верхах попрежнему в центре общественного внимания.

Наиболее умные американцы осуждают как полет «У-2», так и ту наглость, которая была проявлена в связи с этим государственным департаментом и Пентагоном. Мнение передовых американцев было выражено в выступлениях таких видных деятелей, как Эдлай Стивенсон, Уолтер Липпман, и многих других. Больше того, у нас широко распространилось мнение о том, что президента Эйзенхауэра нельзя считать подлинно сильным президентом. Но вместе с тем пресса, следуя той же «стратегии», всячески старается изобразить президента «несправедливо оскорбленным». Результат оказался парадоксальным: кое-кто сочувствует президенту, хотя его действия встретили всеобщее осуждение. Так, например, ряд сенаторов сообщили о большом количестве писем, полученных ими в связи с делом летчика Пауэрса. Во всех этих письмах выражено осуждение действий администрации. Сенатор Мэнсфилд заявил, что из каждых восьми присланных ему писем семь содержат критику в адрес правительства. Сенатор Кучел (штат Калифорния) констатирует, что девяносто пять из трехсот авторов писем особо подчеркивают свое неодобрение пресловутого полета «У-2». В одном из писем сказано: «Нам бы не понравилось, если бы подобные полеты производились над нашей территорией». Сенатор Дуглас сообщил, что из двухсот пятидесяти писем только тридцать три содержали положительные отзывы о тактике американских властей.

Почему же нашей официальной прессе, следующей указке госдепартамента, все же удается в какой-то степени добиться реабилитации самого президента, несущего, как известно, всю полноту ответственности за не одобряемую народом политику? Это объясняется волной своеобразного национализма: газеты изображают советские высказывания, как «оскорбление»... самой должности президента США, кто бы эту должность ни занимал. Конечно, в этом нет и доли правды. Многие наблюдатели считают, что советская критика по существу правильна, их якобы беспокоит только ее резкость. Они забывают, что и резкость эта обоснованна. Хрущев ясно заявил, что выступает против личности Эйзенхауэра, отступившего от своей же линии, характеризуемой Кэмп Дэвидом, но не против его высокого ранга. Однако в прессе эти нападки изображаются так, что средний американец дезориентирован.

При всем при том миролюбие американского народа остается вне всяких сомнений. То же можно сказать и об его возмущении полетом «У-2». В госдепартаменте и в других учреждениях существуют глубокие разногласия по этому вопросу. Всюду понимают, насколько велико народное недовольство этим фактом. Представители администрации пытаются убедить людей, что желают вести переговоры. В конце прошлой недели случилось так, что ряд чиновников госдепартамента, включая заместителя государственного секретаря Диллона, а также заместитель начальника Центрального Разведывательного Управления присутствовали на выпускных экзаменах студентов колледжа Уильямса в штате Массачусетс. Колледж Уильямса — одно из небольших высших учебных заведений страны, из стен которого на протяжении жизни многих поколений вышла целая плеяда лидеров американского общества. Все без исключения выступавшие говорили о необходимости встреч и ведения переговоров. Эти заявления находили полное одобрение со стороны аудитории. В числе собравшихся был и автор этих строк. Мне было приятно убедиться, что присутствующие — по преимуществу люди консервативных убеждений — хотят продолжения переговоров; приятно было и то, что правительственные чиновники — то ли из соображений политической выгоды, то ли по убеждению — также выступали с трезвыми и правильными речами.

НЬЮ-ЙОРК, 9 июня. (По телеграфу).

ЛИТЕРАТУРНЫЙ МУЗЕЙ

ОТКРЫТ ПО СУББОТАМ

Скажем прямо: идея организации этой выставки в залах «Литературного музея» принадлежит не американскому правительству. Она зародилась в недрах нашей редакции и реализована сотрудниками музея Эмилем Кротким, А. Расиным, В. Лифшицем, Ф. Левом, Е. Мигуновым, И. Оффенгенденом, З. Паперным.

Экспонаты расположены на стендах и стенах. Что касается потолка выставки (двадцать тысяч метров), то его высота не помешала советской ракете приземлить главный экспонат — самолет-разведчик «У-2», правда, в разобранном виде.

Дирекция приносит извинения по поводу того, что она не сопровождает демонстрацию экспонатов современной джазовой музыкой и не угощает посетителей ни пепси-, ни кока-кола. Мы уверены, что посетители нашего музея охотно простят нам это.

СТРАДАНИЯ НЕМОЛОДОГО ГЕРТЕРА

Мистер Гертер страдает
Оттого, что у нас
(Он доподлинно знает!)
Есть секретов запас.
Он, как пишут газеты,
И сердит потому,
Что чужие секреты
Неизвестны ему.
Пожалев джентльмена,
Я не скрыл ничего —
Написал откровенно
О страданьях его.

ЛЕТНАЯ ПОГОДА

Они летят из разных стран,
Слетел с «престола»
Ли Сын Ман.
Следят народы с интересом
За полетевшим Мендересом.
И Киси, медля взять разбег,
Своих напутствует коллег
Меланхоличными словами:
— Вы — не последний. Я — за вами!

ЧАН КАЙ-ШИ

Какие сны бывают странные!
Вначале снятся Чан Кай-ши
Авиаматки иностранные,
Его хранящие в тиши,
А дальше все идет навыворот,
Рука рабочих и крестьян
Берет его за чан-кай-шиворот
И окунает в океан!

НИКСОН

Он таким запомнится навек:
В гневе закусивший удила,
В белом доме, серый человек,
Затевавший черные дела.

Выступление по радио генерала бундесвера

фон Пиф-Пафена, участника международного съезда неофашистов в Бонне

Я есть немецкий генерал фон Пиф-Пафен.

Я участвовал в русском походе Гитлера — в оба конца, туда и обратно. Мы были уже под самой Москвой, нам оставалось сделать только одно последнее усилие, и война была бы выиграна. К сожалению, это усилие сделали не мы, а русские.

Очнулся я в плену. Тяжелая контузия головы наткнула меня на ряд мыслей о прошлом и будущем.

В чем была роковая ошибка Наполеона? Почему он проиграл русскую кампанию? Эту тайну Гитлер унес с собой в могилу.

Так о чем я говорил?.. Ах, да! О третьей мировой войне. Лично я — неистребимый оптимист и не теряю надежды на то, что она все-таки будет. Но сегодня я считаю своим долгом предупредить моих слушателей о серьезной опасности: война отодвигается. Это грозит нам неисчислимыми бедствиями. Вот уже сбили самолет Пауэрса. Оказывается, и шпионить уже нельзя. Куда мы идем?

Мир без войны! Это чудовищно! Это звучит кощунственно! Что может быть ужасней этой картины?

Мир без войны — это тысячи безработных офицеров и унтер-офицеров, пустующие бомбоубежища, обнищавшие мультимиллионеры. Это ефрейторы, которым уже никогда не стать фюрерами. Это, наконец, я, фон Пиф-Пафен, который вынужден болтать по радио, вместо того чтобы заниматься своим прямым делом. Я не президент Эйзенхауэр! Я не люблю гольфа!

Что есть угроза номер один? Угроза номер один есть разоружение красных. Доннер-веттер! — как говаривал в таких случаях железный канцлер Бисмарк.

Даже гимназисту понятна вся нелепость такого, с позволения сказать, спряжения: мы вооружаемся, вы вооружаетесь, они, видите ли, разоружаются. В чем здесь подвох? Вас ист дас? — как говаривал генерал Мольтке в кругу своих боевых друзей. Подвох в том, что невозможно догадаться, в чем здесь подвох. И это самое опасное. И нечего ждать, пока мы поймем, в чем тут дело. Война — лучший ответ на все неясные вопросы. Я не реваншист, я готов забыть о прошлой войне и начать все сначала.

Итак, мир — войне! Война — миру!

Ракету мне, ракету!

В радости и в печали...

К пятидесятилетию со дня смерти известного американского новеллиста О. Генри Гослитиздат выпустил новым изданием двухтомник рассказов писателя. Сегодня о нем пишет в нашей газете Юрий Нагибин.

БЫВАЮТ писатели, которых хоть и не причислишь к вечным спутникам человечества, подобным Шекспиру, Гёте, Толстому, Достоевскому, но все же они идут с тобой через всю жизнь, от юности до старости, всегда по-новому нужные, близкие, неисчерпаемые. Я помню, как я и мои школьные товарищи зачитывались ковбойскими рассказами О. Генри, как хотелось нам походить на его молчаливо-мужественных, живописных героев, с их высоким кодексом чести, верностью в любви, бесстрашием перед лицом врага. Позже О. Генри открылся нам, уже юношам, с другой стороны: мы познали тайну иронии в его «Королях и капусте», мы научились разгадывать второй, скрытый смысл и тому, как за улыбкой прячут грусть, за насмешкой — нежность. Я много раз читал и перечитывал О. Генри в самых разных жизненных обстоятельствах: и на фронте, и в поездках, и на охоте, в мертвые часы между двумя зорями, когда вообще-то плохо читается; и в радости, и в печали, и в разлуке с близкими. И я всегда находил в нем что-то нужное для себя, черпал в нем душевную бодрость, веру в жизнь и в то, что счастливый случай — также закономерность бытия...

Когда-то Анатоль Франс, по настойчивой просьбе одного английского литературоведа-педанта, пытался определить, что делает писателя великим. Разобрав поочередно все признаки, возводящие литературное произведение в ранг прекрасного, он в конце концов начисто отверг их и преподнес ошеломленному англичанину нежданный ответ: любовь к людям!

Если это так, а думается, что это так, то О. Генри заслуживает звания великого писателя. Он полон бесконечной, порой словно бы чуть неразборчивой, любви к людям, ко всем людям: к бедным и богатым, к полицейским и ворам, к машинисткам, кассиршам, клеркам, продавщицам, кельнерам, фермерам, бродягам авантюристам, взломщикам сейфов, актерам, художникам, незадачливым писакам, старым неграм, кутилам и пропойцам, даже к миллионерам, если они уже отошли от дел. Правда, в отношении двух самых крупных акул капиталистического мира, Рокфеллера и Моргана, он не скупится на сарказм и насмешки, весьма едкие для его мягкого пера.

Сам много настрадавшийся, набедовавшийся в жизни, знавший и нужду, и бездомность, и тюремную камеру, О. Генри мог либо ожесточиться сердцем, либо вынести из всех испытаний вот такую, полную сострадания, прощения и понимания любовь к людям. Признавая за О. Генри стремление к сглаживанию углов, я решительно не могу согласиться с оценкой его лишь как «великого утешителя». Мне кажется, что это одна из тех неверных легенд, которые идут от неполного и предвзятого «прочтения» писателя, вроде легенды о Чехове, как о певце серых будней и маленьких, серых людишек.

Вероятно, в разные возрасты по-разному читаешь прежде читанное. Во всяком случае, сейчас, когда я обращаюсь к О. Генри, мне все реже попадаются «утешительные» рассказы и все чаще — окрашенные горечью, скорбью за людей, начисто лишенные примиряющей умиленности. Я имею в виду не заведомо печальные рассказы, есть и такие у О. Генри: «Дороги судьбы», «Святыня», «Фараон и хорал», «Меблированная комната». Нет, самые обычные для О. Генри, с неожиданными и будто счастливыми концовками. В рассказе «Только бизнес» все кончается, казалось бы, благополучно. Герой рассказа — эстрадный актер, случайно раненный из пистолета своей партнершей по сцене, остается жив и убеждается к тому же, что эта красивая, но деловитая до сухости женщина горячо и преданно его любит. «Слишком поздно!» — печально говорит актер. И тут читатель узнает, что они уже давно состоят в браке и заключили его не по любви, а по грубому житейскому расчету. Бизнес вторгся в мягкую материю чувства и погубил то что могло бы стать для этих людей поэзией жизни.

В рассказе «Третий ингредиент» поистине фантастическая случайность соединяет любящих: нищую художницу Сесилию и спасшего ей однажды жизнь состоятельного молодого человека. И все же рассказ беспредельно грустен. Не сразу догадываешься, откуда эта грусть. Рассказ обманен: сюжетно он посвящен истории двух любящих, но подлинная его героиня — некрасивая и чудесная Хетти Пеппер, продавщица, уволенная из магазина. Хетти Пеппер суждено сыграть роль случая, соединившего влюбленных, но самой ей на этом пиру чувств достается лишь «третий ингредиент» тушеного жаркого — луковица...

Мне кажется, что зачастую счастливые концовки у О. Генри — вовсе не следствие его жизненной философии, а иронический прием, вроде как в знаменитом фильме немецкого режиссера Мурнау — «Последний человек». Когда фильм уже логически завершен и герой его, бывший швейцар роскошного ресторана, скатился до последней, позорной должности человека при уборной вдруг возникает надпись, примерно такая: да, все было именно так, но режиссер не хочет, чтобы зритель уходил с тяжелым чувством, — и с калейдоскопической быстротой показано фантастическое возвышение человека при уборной. Эта мнимо благополучная концовка лишь усиливает боль за «последнего человека» — мы-то знаем, что в жизни так не бывает. Пусть умирающую от истощения машинистку мисс Лисон увозит в больницу врач скорой помощи, оказавшийся ее пропавшим женихом, а газетная хроника уверяет, что «больная выздоровеет», — печаль от рассказа «Комната на чердаке» так и не рассеивается.

Мы прочитали настоящую, суровую правду об одной из жертв города «желтого дьявола», а в конце автор, улыбнувшись, преподносит нам сказку. Но мы-то знаем, что так не бывает...

Возможно, О. Генри не хотел отнимать у людей надежду, возможно, он считал, что им надо подсластить горькое лекарство жизни. А возможно, что в нарочитом благополучии его концовок как раз и заключено самое горькое зерно его иронии.

Мне же, советскому писателю-рассказчику, воспитанному в совсем иной, русской рассказовой традиции, но любящему и ценящему О. Генри, просто хотелось сказать о том, что пятьдесят лет назад в Америке умер Вильям Сидней Портер, который под именем О. Генри дал миру много тепла, радости, любви, много доброго, хорошего сердца.

Юрий НАГИБИН

ИЗ «МЕЖДУНАРОДНОЙ КНИГИ ОТЗЫВОВ»

Ничего не знаю. Никакого самолета не посылал.
Аллен Даллес. 11 мая 1960 г.

Посылал и буду делать так.
Даллес. 13 мая 1960 г.

Смотрел сбитый самолет. Очень понравилось. Здорово!
Рабочий Иванов.

Ничего не могу сказать о выставке. В это время драпал из Кореи.
Ли Сын Ман

Присоединяюсь к предложению Н. С. Хрущева об уничтожении всех видов вооружения. Считаю, что сбитый самолет Пауэрса — неплохое начало.
Рядовой американец.

Хрущев на словах — за развитие международных контактов. Но почему же в таком случае русские не поддержали визит американского Локхида?
Конрад Аденауэр (на пороге 85-летия).

НОВИНКИ АМЕРИКАНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ВЫ НЕ ПРАВЫ, ТОВАРИЩ МИНИСТР!

По поводу «Ответа читателям»

Вспомним, о чем шла речь. За минувший год на страницах *«Литературной газеты»* было помещено свыше десяти статей и заметок на медицинские темы. Авторы их — врачи, писатели, журналисты, общественные деятели — говорили как будто о различных вещах: в одном случае — о лечении старости, в другом — о ценном препарате, не увидевшем свет, в третьем — о новом методе лечения и т. д. Может быть, некоторые из этих предложений были спорны, требовали тщательной проверки, но все они преследовали одну цель: вскрывая те или иные недостатки, принести посильную помощь органам здравоохранения в их благородном труде. Только так и можно было отнестись к этим сигналам, направленным *против волокиты, против малейшего* проникновения язвы бюрократизма в такую святая святых, как учреждения, борющиеся за здоровье человека. **В этом — главное!**

К сожалению, в течение года ни на одно из этих выступлений газета не получила ответа и вынуждена была обратиться по этому поводу непосредственно к министру здравоохранения СССР тов. С. В. Курашову. Его «Ответ читателям» и был опубликован 26 апреля 1960 года.

Надо ли говорить, что отнюдь не полемический задор, а сознание чрезвычайной важности поднятой темы вынуждает газету вернуться к ней. К этому же зовут ее и письма читателей, выразивших свое неудовлетворение ответом министра.

Разумеется, невозможно было в одном небольшом выступлении исследовать разной значимости проблемы, поднятые газетой на протяжении года. Но главное не в этом: **по существу ни на одну из опубликованных статей не получено прямого ответа.** Речь же в этих выступлениях шла о явном неблагополучии с продвижением новых изобретений и новых методов лечения в некоторых институтах и отделах Министерства здравоохранения СССР.

Все критические замечания в «Ответе читателям» отвергнуты, кроме одного: упрека в задержке ответов. Отвергнуты без достаточной убедительной аргументации, что вызвало справедливые нарекания читателей.

«Я рядовой читатель, тот самый читатель, к кому и адресует свое выступление тов. Курашов. И я прямо скажу — «Ответ» меня неудовлетворил», — пишет В. Шеремет из Йошкар-Олы.

«Прочитал «Ответ» с чувством глубокого неудовлетворения», — искренне признается москвич А. Сердюк.

И таких читательских отзывов немало.

Есть ли для этого основания? Вернемся к статьям, прямо или косвенно опровергнутым министерством.

О чем писали писатель А. Югов и проф. В. Рожнов в статьях «Врач и слово» и «Слово — целитель»? О проблеме, занимающей умы многих ученых-медиков и врачей-практиков, — о крайне слабом использовании в повседневной практике медицинских учреждений такого мощного лечебного фактора, как словесное воздействие, о необходимости более глубокого овладения студентами искусством психотерапии. Таким образом, речь шла о **практическом применении психотерапии.** «Оказывается, — писал В. Рожнов, — для внедрения в практику, в жизнь психотерапии нет ни времени, ни места».

Так ли это? Чтоб убедиться в справедливости утверждений В. Рожнова, стоит зайти в любой врачебный кабинет любой поликлиники и понаблюдать работу врача. По установленным нормам приема терапевт должен принять за час 6 больных, хирург — 10, невропатолог — 5 и т. д. За это время больной должен раздеться, одеться, рассказать свои жалобы, врач должен осмотреть его, выслушать, записать историю болезни, выписать рецепт, дать советы, наставления и т. д., и т. д.

Тут уж не до словесного воздействия!

Так проблема широкого применения психотерапии, внедрения ее в практику лечебных учреждений прямо **сливается с другой — с проблемой разгрузки врача, освобождения его от бумажного плена.** А к этому вопросу неустанно и, увы, пока бесплодно возвращаются и врачи, и больные.

Что же ответил министр здравоохранения?

«В статье «Слово — целитель» автор (В. Рожнов) в популярной форме объясняет широкому кругу читателей значение слова в лечебной практике и предлагает ввести в программы медицинских вузов преподавание психотерапии. Трудно предположить, чтобы профессор, доктор медицинских наук, психиатр В. Рожнов не знал, что в преподавании клинических дисциплин большое значение придается слову как лечебному фактору. Что касается психотерапии как метода лечения отдельных заболеваний, то она является, как правило, делом психиатров. Подготовка в медицинском институте не предусматривает обучения студентов — будущих врачей узким специальностям. Формирование врача как специалиста происходит в процессе его дальнейшей практической деятельности. В связи с изложенным министерство здравоохранения не может принять предложение проф. В. Рожнова».

Так разве об этом говорили А. Югов и проф. В. Рожнов! И можно ли было широкую, граждански-значимую тему, поднятую в статьях «Врач и слово» и «Слово — целитель», свести к подобной узкоспециальной трактовке! Нет, психотерапией должны заниматься не только психиатры, а врачи всех без исключения специальностей. И как можно было «не принять» раздумий врача о путях улучшения лечебной практики!

Но, к сожалению, сопоставляя статьи с ответом, видишь ту же тенденцию решительного «непринятия» критических замечаний и предложений, желание отгородиться от вмешательства общественности в дела медицинские.

Содержалось ли «рациональное зерно» в письме К. Немиры о судьбе новосибирского метода лечения ожогов глаз? Думается, бесспорно. Автор письма — сибирский литератор — знакомил читателя с тем, как был разработан новосибирским врачом А. Миловидовой и ее товарищами новый эффективный способ лечения ожога глаз и какое признание получил он в Польше, Чехословакии, ГДР, но, увы, в стране, где родился этот метод, как пишет К. Немира, «широкого распространения он не получил: не было официального одобрения, не было и инструкции Ученого медицинского совета Министерства здравоохранения СССР».

Внимательное и объективное расследование этого случая принесло бы несомненную пользу, ибо ниточка, тянущаяся от письма Немиры, привела бы и к другим аналогичным фактам. Да разве это единственный пример того, как на пути внедрения какого-либо нового прогрессивного метода лечения встают косность и равнодушие!

Однако и критика, содержащаяся в письме К. Немиры, признана несостоятельной, ибо говорится в ответе:

«Общеизвестно, что внедрение новых методов лечения, признанных медицинской общественностью, не требует какого-то специального оформления, а тем более приказов министерства. Отсюда ясно, что на пути к широкому внедрению «новосибирского метода» нет никаких препятствий».

Но ведь это неверно по существу! Для пропаганды и внедрения новых методов лечения требуются и «специальное оформление», и неусыпный контроль за продвижением этого нового в жизнь. В частности, одной из обязанностей Ученого медицинского совета и было рассмотрение, апробация и утверждение новых методов лечения. Ныне же эти функции после ликвидации Ученого медицинского совета возложены на Академию медицинских наук СССР и ее головные институты.

Но беда в том, что путевка в жизнь новому методу или новому препарату дается часто лишь формально.

Напомним в связи с этим судьбу препарата Митрошина, ценность которого в лечении экземы была признана бесспорной уже в 1952 году. А спустя семь лет после выступления газеты в защиту аналогичного препарата Козакевича Министерство здравоохранения сообщает, что дано специальное указание о производстве препарата Митрошина в IV квартале 1959 года. Однако и по сей день его не найдешь в аптеках.

В этом свете стоит остановиться и на истории проверки метода доктора Обельницкого. История эта тянется едва ли не десятилетие, а полной ясности нет и по сей день. И все потому, что **решений на этот счет принималось немало, но решения эти повисают в воздухе.** Так случилось и с последним. На совещании у заместителя министра И. Г. Кочергина, созванном в сентябре 1959 года, было принято решение изготовить 10 аппаратов системы Обельницкого, раздать их разным лечебным учреждениям с тем, **чтоб провести одновременную широкую проверку,** и результаты ее рассмотреть на комиссии. Однако и это решение повисло в воздухе.

Вся история злоключений с проверкой метода доктора Обельницкого была рассказана М. Поповским на страницах «Литературной газеты» 11 августа 1959 года. Факты, приведенные в этой статье, **опровергают утверждение,** будто сам Обельницкий препятствует проверке его метода, как это можно понять из «Ответа». Да и упрек в равнодушии за эту затяжку нельзя же расценивать как оскорбление всех работников Министерства здравоохранения СССР.

Еще одна волнующая проблема — лечение старости. О ней писал врач В. Кулешов, об этом же говорила в своем письме в редакцию группа старых большевиков.

В своем «Ответе читателям» министр здравоохранения С. Курашов подтверждает, что проблема поднята «большая, социальная, значение и важность которой возрастают тем более, что увеличение продолжительности жизни в нашей стране естественно обусловливает рост числа лиц пожилого возраста». Проблема признана важной, нужной, а все критические замечания также начисто отвергнуты.

Группа старых большевиков в своем письме «Ждем ответа» ставила ряд конкретных вопросов. Почему в клиниках медицинских институтов и в крупных городских больницах и поликлиниках не созданы отделения и кабинеты геронтологии и возрастной патологии? Почему не проведена целенаправленная диспансеризация населения свыше 40-летнего возраста в целях профилактики и лечения старения?.. Ни на один из этих и других конкретных вопросов ответа авторы письма так и не получили.

В ответе же министра содержится следующее замечание:

«Что касается предложения автора статьи создать в больницах специализированные отделения для хронических больных, то мы исходим из того положения, что не следует делить больных на «хроников» и «острых».

Но в статье В. Кулешова говорилось о необходимости создания специальных больниц для хроников, ибо эти больные подлинно безнадзорны. Что же касается деления больных на «хроников» и «острых», то, независимо от официального принятия или непринятия такого деления, больные-хроники существуют и по сию пору и вопрос о помощи им стоит чрезвычайно остро.

Таким образом, если внимательно перечитать статьи на медицинские темы, опубликованные газетой за минувший год, и ознакомиться с «Ответом читателям» на эти статьи, вывод напрашивается один: все предложения читателей и критические замечания в адрес Министерства здравоохранения признаны несостоятельными.

Допустимо ли такое отношение к сигналам печати, к критике общественности!

Не ясно ли, что наше время, озаренное идеями XXI съезда КПСС, тем и характерно, что общественность все более властно вторгается в хозяйственную, культурную и научную жизнь страны.

В решениях съезда прямо сказано: «Вопросы культурного обслуживания населения, здравоохранения, физкультуры и спорта должны решаться при активном и широком участии общественных организаций».

В «Ответе читателям» подобная активность отнюдь не поддерживается. В нем явственно звучит одна нота: новое-де не требует особой опеки министерства.

«Мне кажется, — справедливо замечает в своем письме в редакцию читательница И. Морозова, — всякому рядовому гражданину ясно, что если где-нибудь в Советском Союзе нащупан эффективный метод лечения той или иной болезни, этот метод должен быть проверен медицинскими научными учреждениями, и если он получит положительную оценку, **то органы здравоохранения должны пропагандировать его и принимать все меры к внедрению его в лечебную практику медицинских учреждений.** Только при этих условиях достижения отдельных медицинских работников могут сделаться достоянием всех лечащих врачей во всех уголках Советского Союза. Почему же в «Ответе читателям» говорится, что внедрение новых методов лечения не требует какого-то специального оформления или приказов?»

Права И. Морозова: не так-то легко пробивает себе дорогу новое, если не приложить к тому усилий. За новое надо бороться! А коли нет такой борьбы, результаты оказываются плачевными.

Недавно президиум Центрального совета Всесоюзного общества изобретателей и рационализаторов обсудил вопрос о том, как Министерство здравоохранения СССР внедряет изобретения, рекомендованные в данном случае уже не отдельными лицами, а такой авторитетной организацией, как Комитет по делам изобретений и открытий при Совете Министров СССР. До этого специальная комиссия Всесоюзного общества изобретателей и рационализаторов тщательно ознакомилась с состоянием работы с изобретателями в Министерстве здравоохранения СССР. Результаты оказались весьма неутешительными.

Дело это в министерстве сильно запущено, — заявила руководитель комиссии Н. Савельева. — **Достаточно** сказать, что 249 изобретений вот уже **почти восемь лет ждут «соответствующих заключений». И никто не был наказан за эту волокиту. 128 изобретений в министерстве вообще были утеряны.**

Эти и другие факты позволили начальнику отдела медицины Комитета по делам изобретений и открытий при Совете Министров СССР П. П. Тимофеевскому бросить справедливый упрек «в «омертвлении» ряда ценных предложений, многие из которых могли бы сослужить большую службу здравоохранению».

Не очевидно ли, что существует прямая связь между вопросами, поднятыми читателями на страницах печати, и теми фактами, о которых шла речь на заседании президиума Центрального совета Всесоюзного общества изобретателей и рационализаторов?

Если в Министерстве здравоохранения СССР не только маринуют, а попросту теряют десятки ценных предложений, то не кажется ли тов. Курашову, что это — прямой результат неправильного отношения руководства министерства к участию общественности в медицинских делах?

Активное привлечение общественности к работе органов здравоохранения, внимательное отношение к сигналам печати — вот путь, который позволит быстрее и лучше решать огромные задачи, стоящие перед советским здравоохранением в семилетке.

Вот почему, тов. Курашов, читатели и выражают законное неудовлетворение вашим ответом.

РАЗМЫШЛЕНИЯ НАД ПИСЬМАМИ ЧИТАТЕЛЕЙ

ОНИ ЛИШЕНЫ РОДИТЕЛЬСКИХ ПРАВ

Ольга ВЫСОТСКАЯ

Я не знакома с Владимиром Гладковым. Никогда не видала его. Но письмо, написанное им в «Литературную газету», показалось мне искренним и взволнованным: отец оставил его, когда он был еще совсем маленьким, никогда не помогал ему, никогда не подавал о себе вестей. Однажды, разузнав с большим трудом адрес отца, четырнадцатилетний Володя собрал деньги на дорогу и поехал к нему; но отец, услышав о предстоящем приезде сына, быстро переменил место жительства. Через несколько месяцев он послал Володе двести рублей (впервые за всю жизнь), и этим ограничились отцовские заботы.

Владимир пишет, что теперь он уже взрослый человек, сам работает и в помощи не нуждается, но все же очень хотел бы найти своего отца — Евгения Владимировича Гладкова. «...Ведь должен же я хоть посмотреть на него, как-никак — отец!.. Если вы напечатаете в газете хоть маленькую заметку, то, думаю, это затронет его совесть и он не побоится дать свой адрес...»

Значит, сохранилась еще у Владимира Гладкова надежда, что «совесть затронет» его отца. Какая горькая, незабытая обида звучит в этом письме! Что сказать о таком отце, как Евгений Владимирович Гладков? Можно ли называть его отцом?

Сложны и непостижимы законы человеческих привязанностей. Огромна потребность в ответном тепле. И как несправедливо, когда это прекрасное человеческое чувство попирается!

О трагедии разводов, о трудности положения детей в разбитых семьях писалось немало. И все же эта тема, очевидно, долго еще будет нас волновать и вызывать у нас все новые невеселые размышления. В самом деле, как было бы хорошо, если бы семьи никогда не разрушались, если бы люди, поженившись, всю жизнь любили друг друга и совместная жизнь не превращалась бы иногда в мученье, в тяжелые кандалы для обоих! Конечно, к такому печальному финалу люди приходят не часто и обычно в тех случаях, когда само возникновение семьи произошло по ошибке, необдуманно, когда у супругов мало общего, нет дружбы, нет глубокой привязанности, а, напротив, они тяготят друг друга. Такая незадачливая пара вправе сама решать, как ей быть дальше. Но... жизнь взрослых крепкими нитями связана с жизнью их детей. Обидеть человека, обмануть его доверие всегда преступно, еще более преступно, если обиженный — ребенок.

И, однако, с какой поразительной легкостью совершаются порой подобные преступления. Владимиру Воротникову всего двадцать один год, но он уже отец многочисленной семьи. Он женился на женщине по имени Валентина, усыновил ее маленького сына Витю. У молодых супругов родилась дочка Наташа, и они ждут еще одного ребенка. Как-то уж очень легкомысленно и бездумно эти молодые люди брали на себя все новые и новые обязанности, чтобы вскоре так же легко откаваться от них.

Семейство жило в небольшом поселке Приморского края. Воротников неплохо зарабатывал. Все, казалось, шло хорошо. Но вот однажды отец семьи, получив очередную зарплату, исчез неизвестно куда. Исчез подло, трусливо: сел в поезд и уехал, не сказав ни слова жене, не повидав детей.

Валентина осталась с двумя детьми и больной старухой матерью. В доме — ни копейки, ни полена дров. Трудно? Очень трудно! Но вокруг есть люди. Они не оставят в такой беде. Молодой женщине сейчас же дали работу. Детей можно было устроить в детский сад. Но, как ни странно, Валентина последовала примеру своего супруга. Она не подумала о детях, о старой матери, забыла, что она — их единственная опора. Продав последние вещи, Валя бросилась вслед за покинувшим ее мужем. «Я без него жить не могу», — заявила она соседкам. Но не удалось Валентине склеить развалившееся счастье. Муж встретил ее с нескрываемым озлоблением. «Он со мной, как с собакой, обращается», — пишет Валентина своим знакомым. Свекровь тоже попрекает и гонит ее. А Валентина ждет третьего ребенка...

Сбежав из Приморского края и поселившись у матери в Донбассе, Воротников не поступил на работу, вел довольно беспечный образ жизни. А ведь он знал, что в далеком поселке Лудье осталась без всяких средств больная старуха с двумя маленькими детьми.

Нелегко пришлось и Валентине! Но как она могла бросить двух малышей и семидесятилетнюю мать? И почему, приехав в Донбасс, она, молодая женщина, не попыталась поступить на работу, чтобы посылать матери и детям деньги?

Трудно представить, чем кончилась бы эта трагическая история, если бы простые, отзывчивые люди не позаботились о брошенном семействе. Старенькая мать Валентины, потрясенная, измученная всем, что случилось, тяжело заболела. Ее положили в больницу. Пятилетнего Витю временно отдали в детский дом.

...Плакала в кроватке маленькая Наташа, вся «в вавках», как пишут нам люди, встревоженные судьбой детей. Это и секретарь Кавалеровского райисполкома Горшкова, и участковый врач Трещева, и начальник военно-учетного стола Авдеева, и заведующий районо Данилевский. Пенсионерка А. Санкевич взяла Наташу к себе, нежно заботилась о чужом ребенке, купала, кормила, одевала. Потом бездетные супруги Н. решили удочерить покинутую Наташу. Теперь у девочки есть все необходимое, и самое главное — родительская любовь.

Пусть, однако, добрые дела отзывчивых людей не успокаивают совесть беспечных супругов Воротниковых. Можно согреть, накормить, одеть ребенка. Но как изгладить из его памяти образ матери, которая растила его, ласкала, а потом бросила и исчезла, неизвестно куда?

Валентина писала знакомым: «Рожу ребенка, брошу ему (мужу), пусть и Наташу забирает!..» Точно о какой-то ненужной и обременительной вещи говорит в письме Валентина о собственных детях. «Быть может, она одумается, приедет!..» — надеялись соседи. Но она не приехала даже тогда, когда получила извещение, что суд будет рассматривать дело о лишении ее материнских прав! Существует ли на свете более суровое наказание, более непоправимое несчастье, чем перспектива навсегда потерять своего ребенка, стать ему чужим на всю жизнь? А что, если проснется совесть, заговорит, наконец, родительское чувство, но ничего уже нельзя будет исправить?

Передо мной письмо учительницы С., двадцать лет назад покинувшей свою новорожденную дочку. Прошло много времени. У этой женщины теперь муж и двое сыновей. Кажется, жизнь сложилась неплохо, а все же воспоминание о брошенной девочке постоянно мучает ее. Она умоляет редакцию помочь ей отыскать дочь. А сделать это невозможно: потеряны все следы. Жизнь жестоко наказала легкомысленную мать...

Встречаются, однако, родители вроде Валентины и Владимира Воротниковых, у которых, как у Кащея бессмертного, сердце запрятано где-то очень далеко, и до него добраться невозможно. Эти горе-родители ведут себя столь безответственно, что вынуждают государство, при всей его гуманности, отнять у них детей. Но разлуку с детьми они воспринимают не как позор и наказание, а как освобождение от обузы.

Такие люди — явление редкое, но настолько отвратительное, что вся наша общественность должна обратить на него пристальное внимание. Здесь недостаточно морального осуждения! Таких «кащеев» словом не проймешь! «Рожу ребенка и брошу ему!» Все равно — кому. Лишь бы не возиться самой, переложить заботу на чужие плечи.

К сожалению, некоторые положения нашего семейно-брачного законодательства неоправданно мягки. Родители, бросившие детей, должны во всех случаях нести материальную ответственность, иначе лишение родительских прав становится для них незаслуженной льготой. Если ребенок воспитывается в детском доме, они должны вносить плату за его воспитание и содержание в детский дом. Даже если ребенка усыновила другая семья, не желающая принимать никакой помощи от его «бывших» родителей, закон не должен освобождать виновных от материальной ответственности. Пусть в этих случаях с них взимаются отчисления в пользу государства.

Бывают еще и такие факты, когда родители, официально не лишенные родительских прав, вспоминают о существовании своих детей через много лет после того, как бросили их на произвол судьбы, и имеют наглость требовать с них алименты. И суд, по существующему положению, должен удовлетворять эти притязания. Не является ли это поощрением человеческой подлости? Совершенно очевидно, что на помощь и поддержку детей могут рассчитывать только те родители, которые выполняли свой долг перед детьми.

Радостно и бескорыстно взяли на себя заботу о покинутой Наташе Воротниковой добрые, честные люди. Они не хотят, чтобы их фамилия стала известной, они даже собираются уехать из поселка, чтобы девочка ничего не знала о прошлом, чтобы она была их «настоящей дочкой». Пусть она принесет им много счастливых минут! Пусть никогда не узнает о той тяжелой обиде, которую нанесли ей люди, бывшие когда-то ее родителями!

Закат. Фотоэтюд читателя В. Калмыкова

ЧИСТОТА ИЛИ ПОШЛОСТЬ?

Многие читатели «Литературной газеты» откликнулись на статьи Ст. Бенедиктова «Вы правы, товарищ Борин!» и «Можно ли про любовь?» (28 апреля и 21 мая с. г.), в которых затрагивались вопросы нравственного и эстетического воспитания и разбирались отдельные произведения поэзии, отмеченные печатью пошлости.

Сегодня мы публикуем некоторые из этих писем, стремясь представить в этой небольшой подборке самые различные точки зрения — и ту, которую разделяет редакция, и ту (выраженную в письмах П. Метелева и Н. Гацана), с которой редакция решительно несогласна.

В ближайшем времени мы продолжим этот разговор.

С ПЕРВОГО ВЗГЛЯДА...

Товарищ Ст. Бенедиктов, Вы написали статью «Можно ли про любовь?» В своей статье Вы защищаете стихотворение Роберта Бернса «Ночлег в пути». Что Вы наделали, опубликовав такую статью... При чтении Вашей статьи меня трясло, в жар бросало... Захотелось мне сорвать печатные Ваши буквы с газетного листа и бросить их куда-нибудь подальше от общества. Извините пожалуйста, дорогой тов. Бенедиктов, в большом гневе я был. Вы, значит, за любовь с первого взгляда, за бабьий процент безотцовщины...

Семья определяется ходом истории. В нашем социалистическом обществе появление ребенка проходит через такие периоды: любовь — законный брак — ребенок. А так: любовь — ребенок, — вто незаконно.

Н. ГАЦАН

ВАРНАУЛ

ПРИ ЧЕМ ТУТ ПОШЛОСТЬ!

Я прочла статью Ст. Бенедиктова «Можно ли про любовь?» и вполне разделяю мнение автора.

Когда-то Дидро сказал:

«Мне очень хотелось бы узнать, где та школа, в которой обучаются чувству».

Конечно, такой специальной школы нет. Человек обязан сам учиться чувствовать и понимать красоту.

И как бывает подчас странно и обидно узнать, что есть еще у нас люди, которые сравнивают любовь со словами «пошлость и грязь». Может ли человек с правильным понятием о красоте говорить словами П. Бабошина и А. Гудзенко? Меня удивило, более того, поразило отношение этих двух людей к стихотворению Р. Бернса «Ночлег в пути». Причем тут пошлость? В какой именно мере стихи эти напоминают анекдот?

Я люблю поэзию Бернса. Очень давно я впервые прочла «Ночлег в пути». Прав тов. Бенедиктов: я попала в атмосферу чистоты. Если же тт. Бабошин и Гудзенко увидели там пошлость и грязь, тем хуже для них.

Только не нужно им было через центральную печать объявлять вслух о своей нравственной бедности.

В. КРЫЛОВА

СОЧИ

ОТ ЧЬЕГО ИМЕНИ!..

В статье «Можно ли про любовь?» затронуты интересные вопросы. Откуда у бабошиных такая ограниченная мерка поэзии и, если я не ошибаюсь, вообще искусства?

Нет, П. Бабошин с Вами «многие читатели» не согласятся, потому что советские люди могут не только создавать своими руками корабли, на которых они завтра полетят к звездам, но и понимают музыку, литературу и все прекрасное.

И молодежь, к которой вы апеллируете, В. Коломейцев и В. Попов, скажет, что вы неправы. Что вы защищаете?

Раньше — песни... девушки... вино...

Смерть покою!..

А теперь — в любой находишь «но»...

И какое!

Не того коня оседлал Г. Регистан, и сколько бы раз он ни повторял «но!.. но!..», пошленькая лошадка будет топтаться в луже мещанства. Какую молодежь Коломейцев и Попов хотят взять в защитники Регистана? Не ту ли, что протирает подметками полы танцевальных площадок и шлифует тротуары? А И. Кобзев топчется рядом с Г. Регистаном...

Я. ПЕТРИКОВЕЦ,
рабочий

КИЕВ

КТО В ЧЕМ СИЛЕН...

Я не согласен со статьей «Можно ли про любовь?» На это ответить следует: про любовь можно, а про блуд нельзя.

Когда-то человек, опираясь на заповеди священного писания, был морально устойчив против вывихов иных писак, теперь он совершенно беззащитен. Я сам на себе испытал в детстве хорошее влияние притчей. Хотя я и атеист, но отдаю должное воспитательному значению здоровых религиозных поучений.

В «Ночлеге в пути» Бернс описал ночлежную любовь, это вне всякого сомнения. Ну, а как поэт, он ее разукрасил поэзией — кто в чем силен! Если вдруг случилось бы с солдатом, он рассказал бы анекдот по этому поводу. Вот в чем вся разница. Бернс свое стихотворение написал, по-видимому, для узкого круга подгулявших мужчин, где оно уместно вполне.

П. МЕТЕЛЕВ

АЛМА-АТА

ПОКРЕПЧЕ БЫ...

Приношу свою благодарность тов. Бенедиктову за статью «Можно ли про любовь?»

Только нельзя ли покрепче критиковать таких, как Бабошин, Гудзенко?

Я так возмущен этим «письмецом» Бабошина! Ведь это же ханжеский, мещанский взгляд на искусство, на поэзию. Усмотреть пошлость, грязь в чистых, несущих свежесть, аромат юности стихах Р. Бернса — это само по себе не пошлость ли, не грязь? Такие, как Бабошин, увидев Венеру Милосскую, ханжески ухмыляются и «авторитетно» заявляют, что это неприлично, безнравственно. Прошу поместить мое письмо в «Литературной газете». Пусть знают Бабошин и Гудзенко, что есть люди, которые с ними не согласны. Это те, которым не чужды музыка, поэзия, живопись. А таких очень, очень много!

Ю. АНДРЕЕВ,
помощник машиниста электровоза

г. АВДУЛИНО
Оренбургской обл.

ЗАМЕТЫ НА ЗАМЕТЫ

У переводчика есть свои права и обязанности. Права, разумеется, ограничиваются подлинником, а обязанности состоят в том, чтобы нам можно точнее перевести на другой язык этот подлинник. Не так ли?

Но вот перед нами «горестные заметы» Александра Лациса, опубликованные в третьем номере журнала «Звезда». Он высмеивает эпилог романа Константина Гамсахурдиа «Цветение лозы», то самое место, где и онемевшему в фашистском плену герою романа возвращается дар речи.

Не буду сейчас касаться существа того, что высмеивает Александр Лацис. Хочу обратить внимание лишь на его претензии к переводчику. Он пишет:

«— Кто автор романа? — спросят нас,
— Константин Гамсахурдиа,
— Где это напечатано?
— В журнале «Литературная Грузия», №№ 1—9 за 1959 год.
— Кто переводчик?
— С. Трегуб.
— Тот самый? Строгий, взыскательный критик?
— Да, тот самый. Мистериум магнум!

Чем можно реагировать на это великое чудо? Разве что онеметь».

Никакого чуда здесь нет, и онемевать не стоит. Я действительно перевел роман Константина Гамсахурдиа. И далек был от мысли что-либо навязывать автору, полагая, что не имею на то права.

Александр Лацис придерживается, судя по всему, иного взгляда. Из того, что он написал, следует, что если критик оказался в роли переводчика, то он должен подменить автора, сочинить свой вариант эпилога. Только так и можно понять иронического упоминание о переводчике.

С этим-то никак нельзя согласиться.

Претензия Александра Лациса лишена каких бы то ни было оснований. Она способна ввести кое-кого в заблуждение относительно основы переводческого дела.

С. ТРЕГУБ

Главный редактор С. С. СМИРНОВ.
Редакционная коллегия: В. Н. БОЛХОВИТИНОВ, Ю. В. БОНДАРЕВ, Б. А. ГАЛИН, Г. Д. ГУЛИА, Г. М. КОРАБЕЛЬНИКОВ, В. А. КОСОЛАПОВ (зам. главного редактора), М. М. КУЗНЕЦОВ (зам главного редактора), Б. Л. ЛЕОНТЬЕВ, Г. М. МАРКОВ, В. С. МЕДВЕДЕВ, Г. Г. РАДОВ, В. А. СОЛОУХИН, Е. Д. СУРКОВ, А. С. ТЕРТЕРЯН.

«Литературная газета» выходит три раза в неделю: во вторник, четверг и субботу.

Адрес редакции и издательства: Москва И-51, Цветной бульвар, 30 (для телеграмм Москва Литгазета). Телефоны: секретариат — К 4-04-62, отделы: русской литературы — В 8-99-33, искусств — В 1-11-69, литератур народов СССР — В 8-59-17, внутренней жизни — К 4-08-05, международной жизни — К 4-03-48, зарубежной литературы и искусства — К 4-84-28, информации — К 4-08-69, писем — В 1-15-23, издательство — К 4-11-66, Коммутатор — К 5-00-00.

Типография «Литературной газеты» Москва И-51, Цветной бульвар, 30.

Б—024137